

ОЛЕГ СЕНЦОВ
КУПИТЕ
КНИГУ —
ОНА СМЕШНАЯ

Олег Сенцов

**Купите книгу – она смешная.
Ненаучно-популярный
роман с элементами юмора**

«Фолио»

2016

ББК 84(4УКР)

Сенцов О. Г.

Купите книгу – она смешная. Ненаучно-популярный роман с элементами юмора / О. Г. Сенцов — «Фолио», 2016

ISBN 978-966-03-7433-1

Интересно, а что сделали бы вы, если бы появился, ну, скажем, Кто-то и предложил загадать одно – только одно! – желание, которое исполнится? Герои этого романа думают не долго, потому как считают это предложение простой шуткой. Вот и заказывает один вагон алмазов, второй – целое поле конопли, ну а третий... С третьим сложнее, ведь он почему-то очень серьезно отнесся к такому невероятному предложению. Как же распоряжаются молодые люди свалившимися на них дарами? Прочитайте этот роман и вы поймете (впрочем, как и наши герои), что есть кое-что более ценное, чем алмазы. Да, и еще: никакого назидания, никакого морализаторства, никаких выводов в тексте вы не найдете. И тем не менее... «Купите книгу – она смешная» – это тот случай, когда название произведения абсолютно точно отражает его содержание. Это очень веселый, очень смешной, очень легкий для чтения роман.

ББК 84(4УКР)

ISBN 978-966-03-7433-1

© Сенцов О. Г., 2016

© Фолио, 2016

Содержание

Предисловие автора	6
Справка вместо эпилога	7
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Олег Сенцов
Купите книгу – она смешная.
Ненаучно-популярный
роман с элементами юмора

© О. Г. Сенцов, 2016

© Л. П. Вировец, художественное оформление, 2016

* * *

Предисловие автора

Никто не читает предисловия, и я в том числе. Зачем читать чьи-либо тугие мыслишки по поводу книги, которую ты только собираешься прочесть? Мы ведь покупаем книгу какого-либо писателя, чтобы прочесть его мысли, а не разглагольствования на двадцати четырех страницах какого-нибудь Пупкина, которого жизнь и издатель впихнули на разогрев перед Достоевским. Поэтому я лично никогда не читаю предисловия, если, конечно, товарищ Пупкин не смог вместить их в половину страницы.

Плоха та мысль, которую нельзя вложить в одну строчку, и плохо то предисловие, которое занимает более одной страницы. Я постараюсь уместить свое ровно на страницу.

Вообще-то писать авторам предисловия самим себе – это дурной тон, для этого есть господа Пупкины, со своим диапазоном таланта от одной до двадцати четырех страниц, пусть они этим делом и занимаются. Я же просто хотел сказать заранее одну вещь, чтобы не показаться полным невеждой в глазах своих будущих восемнадцати случайных читателей.

Дело в том, что эта книга написана глазами американца, а, как известно, про Америку и американцев в основном пишут только те люди, которые там никогда не бывали, поэтому и я решил не выделяться. Эта книга не про Америку и даже не про американцев, просто смотреть на события глазами полностью чужих тебе людей, о которых ты знаешь только понаслышке, намного удобнее и свободнее – можно придумывать себе все что угодно, чем я, в общем-то, и занимался на страницах этого (с трудом пишу это слово) произведения.

Короче, книга полна штампов, непроверенных данных, предрассудков и простеньких поведенческих схем, которые автор усвоил при не самом прилежном обучении в советских учебных заведениях, а также чтении некоторого количества не всегда полезных книжек и неограниченного просмотра уж совсем вредных телепередач.

Итак, если силы и желание еще не оставили вас, мои маленькие друзья, то смело переворачиваем страничку...

г-н Пупкин З. Е.

Справка вместо эпилога

«Автор никогда не употреблял, не употребляет и не собирается употреблять никаких наркотических средств, ни при написании данной книги, ни при совершении других, более пристойных действий».

Глава первая

Ночь в Африке наступает очень быстро. Вот и сегодня солнце со всего маху свалилось за горизонт, так что аж потемнело в глазах и по небу рассыпались мелкие звезды. Темнота начала остужать пот, тот, в свою очередь, тело, телу стало хорошо и в благодарность оно стало вонять. Особо чувствительные натуры в такие моменты могут начать ощущать не только запахи соседей, но и свои собственные. От меня, говорят, пахло, как от скунса и его носков, то же самое я мог сказать и про своих соседей.

Нас было трое, три скунса: Джимми, Билли и Джеббс. Джимми, мой лучший друг и единственный порядочный человек в обозримом будущем и припоминаемом прошлом, очкарик-интеллигент с душою теленка и темпераментом телеграфного столба, к которому этот теленок привязан. Билли – это я, ваш покорный слуга, тертый жизнью субъект, стреляный воробей и так далее, но, тем не менее, не достаточно проницательный, чтобы не связаться с Джеббсом. Джеббс – это человек без имени. Говоря откровенно, мне иной раз кажется, что это даже и не имя, это будущий научный термин, означающий психическое отклонение у людей из разряда умственно вперед ушедших. Я думаю, что в скором времени слово «Джеббс» перестанет ассоциироваться с конкретным человеком и войдет в историю как название болезни или мании, как, например, болезнь Боткина или Паркинсона, ну, в крайнем случае, в джеббсах, как в вольтах ток, будут измерять маразм.

Так вот Джеббс, этот подонок-иллюзионист, с задатками харизмы и даром убеждения неполноценных личностей, морем идей и безграничной верой в их совершенство, затащил нас в эту дыру, в которой в связи с закатом мы перестали потеть и начали вонять, а вскоре начнем и мерзнуть. Нет, не могу сказать, что поехать в Африку это была сильно плохая идея; по мнению Джеббса, у него вообще не бывает плохих идей, бывает только неправильное их воплощение в жизнь не способными ни на что подчиненными – это он нас с Джимом имеет в виду. Подчиненные, вассалы, падаваны, я бы предложил ему называть нас рабами, раз уж мы на Черном континенте. Отправиться сюда искать древние города – это было даже как-то научно-популярно, полезно для всей цивилизации, что ли... Хотя предыдущая агония разума Джеббса была не менее привлекательной – доставка айсбергов благодарным жителям Сахары! А, каков размах? Взяв в Бристоле покатайся на два часа маленькую рыболовецкую шхуну, мы рванули на ней к северным широтам. Признаться, мне это поначалу даже понравилось, потому что трехмесячное таскание мешков в порту и мне, и моей спине уже порядком поднадоело, и я с радостью согласился на небольшую морскую прогулку. Джим, как всегда, был со мной, потому что ему было по большому счету все равно, чем заниматься. Джеббс до этого мешки, естественно, не таскал, он таскал припасы, мазут и вообще все, что плохо лежит, и нам с Джимом постоянно приходилось за него отдуваться. Но зато теперь мы вышли в море с полным набором всех необходимых в дальнем плавании вещей, а именно: шезлонгами для детей не старше восьми лет, клюшками для гольфа, мексиканскими сомбреро различных размеров, моделей и расцветок, а также шкурками тушканчиков, нуждающихся в дополнительной просушке и чистке, сигнализирующими постоянно об этом ужасным запахом из трюма. А главное, у нас были гарпунная пушка и лебедка, короче, все необходимое для долгого путешествия и дружной ловли табунов айсбергов. Не знаю, где и какой прибор удалось стащить Джеббсу, но только ночью береговой охраной мы были распознаны как ракетный крейсер «Хорнет», направляющийся в Атлантику по очень важному делу. Если бы неудачник, владевший до этого лоханью под названием «Полярная Сирена», на которой мы теперь рассекали темные октябрьские волны, мог знать о том, что его посудину назовут крейсером, то, возможно, его горе от потери своей любимицы хоть немного, но уменьшилось бы в размерах.

Море... Не то чтобы я не любил море, скорее всего море не очень любило меня. Не знаю даже за что. Может, за то, что я в детстве часто мочился в речку или надувал через трубочку лягушек до хлопка, но за что-то явно водная стихия меня невзлюбила, наслав на меня вечную болезнь адмирала Нельсона. Через неделю болтанки я уже знал все о содержимом моего желудка, мое лицо окончательно приобрело цвет морской волны и, в конце концов, мы с окружающей действительностью отрешились друг от друга.

Так как мои познания о природе айсбергов и маршрутах их следования ограничивались лишь информацией, полученной в процессе просмотра фильма «Титаник», но и они были впитаны недостаточно глубоко, так как титки Кейт Уинслет интересовали меня сильнее происшедшей на экране природно-техногенной катастрофы, поэтому я был не готов увидеть айсберг так близко и так сразу. Мои мозжечок спрятался в желудок, а затем они оба затаились где-то в районе копчика, когда я вышел утром на палубу и увидел его, плывущего на нас, ну или нас, плывущих на него, я точно не помню, короче, я заорал! Хорошо, что на дворе был день, тьфу, то есть за бортом, или где там у моряков день, они вообще всё в склянках каких-то меряют. Короче, хорошо, что было светло, и мы эту дуру увидели сразу и вовремя отвернули, не то свистать нам в ледяной воде в свистки с синими мордами до последнего, самого короткого заката в нашей молодой еще жизни.

Айсберг был здоровенный и сдвинуть его с места, как по мне, не представлялось возможным в принципе, но Джеббс сказал, что сопротивление у воды меньше, чем у земли, и поэтому все получится. В этом я не мог с ним не согласиться, собственным носом подтвердив эту теорию еще в детстве, прыгнув мимо речки в берег. Джеббсовый выстрел из гарпунной пушки был снайперский, хотя промазать по этой огромной ледяной горке было трудновато, но я думаю, что если бы поручили это дело Джимми, то он бы наверняка не подкачал. Но стрелял предводитель полоумных орангутангов, и как оказалось потом, лучше бы он попал себе в голову. Гарпун не подвел, и мы намертво срослись с дрейфующим айсбергом, который и продолжил дрейфовать в своем направлении, несмотря на надсадный рев мотора шхуны и маты гарпунера. Да... После этой поездочки я понял смысл выражения «видимая сторона айсберга» и стал лучше разбираться в направлении гольфстримовского течения, отличного от запланированного направления нашего путешествия. Лодка пыталась всеми своими лошадиными силами вырваться из этого капкана, что-то очень нехорошо скрежетало, все остальные бегали по палубе и махали руками, но это как-то не особо помогало. К счастью, тросу надоела эта маечня раньше, чем нам и мотору, и он благополучно лопнул, слегка задев Джима по ноге. После наложения двенадцати швов с помощью английских рыболовных снастей, а также внутренней и внешней обработки лучшим шотландским антисептиком, большинством голосов было принято решение двинуть обратно, к берегам Старого Света, но взять немного южнее, чтобы во второй раз не проверять доверчивость королевских военно-морских сил и не давать им повода немного потренироваться в стрельбе.

Предложение Джеббса начать ловлю камчатских крабов было сразу отвергнуто ввиду отсутствия Камчатки, хотя его знаний географии и геометрии было достаточно для утверждения, что мы находимся где-то неподалеку от этого дикого острова или пролива. Я не мог вступить с ним в научный спор, так как сам на уроках географии учил названия всех пятидесяти американских штатов, но, правда, на тринадцатом штате пришлось прервать учебный процесс по обстоятельствам личного характера. В такие особо горестные моменты своей биографии я думал, что это наш Бог Иисус Христос Суперзвезда карает меня за мое плохое прилежание, да и число тринадцать особо счастливым не назовешь. Тем не менее присутствие раненого и отсутствие Камчатки повлияло на временное принятие правильного курса в направлении Лиссабона.

Португальский берег встретил нас пустыней и песчаной бурей, да и сами португальцы вместе с лиссабонцами встретили нас мало дружелюбно: смуглые, грязные, в белых тюрба-

нах и на верблюдах. После получаса безуспешных попыток объяснений с португальцами все они очень резко стали марокканцами, а счастливая страна обладателей шенгенских виз оказалась где-то на севере. Джеббс тут же отправился на переговоры о продаже лодки и прочего полезного инвентаря из ее трюма, тем более что все шезлонги и сомбреро остались в целости и сохранности, чего нельзя было сказать о клюшках для гольфа, окончательно испорченных после отчаянной игры двухдюймовыми шариками из-под подшипников, а также жесткой тренировки на мечях для участия в съемках продолжения фильма про джедаев и лохматую обезьяну. Нам же с Джимом было любезно предложено доковылять до ближайшего кабачка и дожидаться там своего хозяина. Мы в очередной раз повелись, как фермеры на джекпот, и проторчали в грязнущей забегаловке до самого вечера. Джеббс, естественно, не появился. Когда нас все-таки вытолкали внашей, то мы решили вернуться к лодке, переночевать там и спокойно уже дожидаться Джеббса. Лодки на месте конечно же не оказалось, как и этого подлеца.

Три дня, проведенные в порту полузабытого городка, значительно обогатили наш лексикон, а также познакомили окрестных жителей с репертуаром народных канзасских песен, неизменно выручавших нас при попадании в подобные ситуации. Взносы в фонд жертв церковно-приходских школ с уклоном в хоровое пение на этот раз были невелики, но их хватало, чтобы мы не протянули ноги. Джимми, хромающий на переднюю лапу, с раздобытым на свалке костылем, был особенно жалостлив. Карьеру нашего дуэта, а также дальнейшую ассимиляцию с местным фольклором прервал гудок «студебеккера» одна тысяча девятьсот сорок восьмого года выпуска небесного цвета с откидным верхом. Это был Джеббс. В белом костюме, при бабочке, сигаре и девке. Я ничуть не удивился – этот человек всегда умел о себе позаботиться. На мой скромный вопрос о том, как продвигаются переговоры о продаже лодки, он на секунду задумался и вскинул вверх оба глаза. Нет, Джеббс не думал, что мне ответить или соврать, для этого ему не надо было думать, он просто вспоминал события последних дней и мучительно пытался отыскать в них кильватерный след от шхуны. Судя по двум секундам растерянности на лице плейбоя, я понял, что событий произошло настолько много, что спасибо господу нашему Аллаху и пророку его, что Джеббс хотя бы вспомнил про нас и вернулся.

– Они зашли в тупик, – наконец ответил он.

Это означало, что о лодке, а также о шезлонгах, и особенно о великолепных тушканчиках в сомбреро, мысли о которых так согревали нас с Джимом в эти прохладные ночи, можно было больше не вспоминать.

– Но я нашел для вас работу, – сказала наглое улыбающееся лицо, попеременно слюнявящее то сигару, то шею белогривой кобылицы, впялившей свой взгляд в двух бомжей и один костыль. – Все, собирайтесь, наш пароход отходит через час! – скомандовал наш адмирал.

Собираться нам было не долго – все нажитое за три дня добро можно было с легким сердцем бросить прямо тут и собрать примерно такой же набор на любой помойке в любом городке этой паршивой планеты. Мы бросили все, кроме костыля, наземь и залезли на заднее сиденье.

– Что за подруга? – крикнул я в ухо Джеббсу, когда раритетная колымага, стуча всеми своими запчастями, запыхала по дороге.

– Это Мэгги!

На кодовое слово «Мэгги» подруга отреагировала, как собака Павлова на звонок в дверь – повернулась к нам лицом и улыбнулась передними зубами годовалого жеребца попеременно с деснами примерно того же происхождения.

– Она дочь профессора, у которого мы теперь работаем, он плывет в Южную Африку – копать там что-то... – Джеббс пытался перекричать ревущий мотор. – Что-то ищут! А Мэгги дальше не плывет! (Снова зубы и десны.) Она проштрафилась с одним черным матросом и папаша сказал, что если в Африке станет на одного негртенка больше, то тут же станет одной блондинистой шлюшкой меньше! – Зубы снова зареготали, а после Джеббсовой щекотки тре-

тьего ребра кулаком вовсе запрыгали в диссонанс машинной тряске. – Поэтому она возвращается домой, пока еще не совсем поздно спасти остатки семейной чести, а мы плывем дальше.

Я не стал больше расспрашивать о сексуальной жизни Мэгги, хотя такие разговоры, похоже, нравились и ей и Джеббсу. Тем более я не стал спрашивать, что нас ждет впереди.

– А много плыть-то? – прорезался немного надсаженный верхними нотами арии молочницы голос Джимми.

– Не-а.

«Не-а» длилось почти месяц. За это время мы ни разу не видели Джеббса и я уже смел слабо надеяться, что его вздернули на рее за попытку бунта с целью начала раскопок слоновьих костей на проплывавшем мимо одноименном берегу. Хотя это было бы для него слишком мягким наказанием за наш проезд в железном и слегка душноватом трюме, в котором вещи не надо было класть на стул, они спокойно могли висеть и в воздухе вместе с топорами. Джим пообещал после этой поездки больше никогда не разогревать телятину в железных банках, потому что он теперь в курсе, как нехорошо там некоторым частям теленка. Я же чувствовал, что это наше искупление за причиненные страдания неграм, которых сотни лет вывозили белые колонизаторы из Африки. Теперь белых ввозят таким же способом обратно – за все приходится платить. Времени развить эту теорию у меня хватало и я попробовал применить ее к Джеббсу. Да, физические страдания я мог ему нафантазировать, но вот на моральные он был вряд ли способен. Для этого надо быть как минимум человеком.

Чтобы хоть как-то убить время, мы начали играть с нашими сотрюменниками в картишки на деньжишки. Ставить нам особо было нечего, так как еще на причале Джеббс сообщил нам, что наше жалованье за полгода вперед уже получено и потрачено, то есть надежно вложено. Куда и кем, выяснить не удалось. Эта новость не утешила нас. Но все же это лучше, чем горланить дуэтом песни, склонившись над жестяной банкой. Кормили здесь исправно, нога у Джима почти зажила, а сброд, собранный со всего света на этом судне, любил поразвлечься в карты. Джимми, как любая светлая душа, не любил азартные игры, и ему, соответственно, в них бескрайне везло, поэтому при надлежащем уходе с моей стороны он мог выиграть у кого угодно, чем мы и занимались всю дорогу. К концу путешествия накопилась уже довольно приличная сумма денег. Правда, каждую ночь Джима мучила совесть и он порывался отдать деньги этим несчастным, что в конечном итоге нам и пришлось сделать, потому что несчастные продемонстрировали нам свою коллекцию ножей и кастетов, а имевшийся у нас в арсенале костыль был слабым аргументом в переговорном процессе. С деньгами пришлось отдать и часть одежды, тем более, как сказали эти добрые люди, она все равно нам не понадобится.

Наконец наши мучения закончились и мы бросили якорь в Порту. Мы с Джимом наперебой целовали бетон причала, потому что дойти до ближайшей клумбы с землей не позволял частично утративший свои функции мозжечок. После месяца душегубки в трюме пятичасовой переезд на дне грязного грузовика показался нам легкой воскресной прогулкой, в ходе которой Джим настойчиво доказывал мне, что по ночам он слышал, как поют киты. Я не стал с ним спорить, тем более что сам слышал, как музыкально храпел тот толстяк с крайней койки.

Прибыв на место, мы не обнаружили никаких разительных отличий в пустынно-каменистом пейзаже от точки отправления, за исключением отсутствия моря и каких-либо зачатков современной цивилизации, если не считать маленькой деревушки местных аборигенов, расположенной ближе к горизонту. Я резонно заметил, что мы могли бы поискать древний город и где-нибудь в районе Порты, на заднем дворе какого-нибудь милого кабака в более комфортных условиях. На что появившийся из ниоткуда Джеббс и уже начавший руководить разгрузкой своих вещей, ответил: «Эти Тутанхамоны жили где ни попадя, и в последний раз их видели где-то тут. Поэтому и рыть будем где-то здесь...» Разбив небольшой лагерь и понатакав везде табличек с надписью «Научная экспедиция», все принялись отдыхать. На третий день отдыха, когда в ход уже пошла тормозная жидкость, спирт из градусников и средство от зме-

иных укусов, профессор дал команду начать раскопки. На передовой фронт науки была брошена команда лучших, в составе меня и Джима, которая должна была рыть траншеи согласно плану руководства, обозначенного прямо на местности путем вождения носком ботинка по земле и махания руками в различные направления, скрепленного при этом соответствующими выражениями.

Вся остальная научная братва числом около двух десятков человек во главе с профессором, прихватив достаточное количество лопат, кирок, сит и прочего научно-исследовательского оборудования, погрузилась в грузовик. Профессор сказал, что они отправляются на несколько дней на разведку, вдруг здесь где-то поблизости еще притаились древние города, а этот они оставляют раскапывать нам. Джеббс очень сильно расстроился, когда узнал, что его не берут, а оставляют присматривать за нами и за лагерем. Он битый час признавался перед руководителем экспедиции в своей любви к археологии, демонстрировал свою великолепную технику копки небольшой ямки столовой ложкой, а также показывал, как он быстро находит зарытый в песке окурок. Джеббс был на сто процентов уверен, что он пропустит какое-то важное открытие и не покроет себя еще при жизни соответствующей его талантам славе. Я и не знал, что у него существуют такие сильные первооткрывательские амбиции, которые, как думал Джеббс, он будет не в состоянии реализовать здесь с нами, а вот там, куда едут эти смелые сильные люди, во главе с таким... Но профессор оказался на удивление холоден к мольбам, которые, напротив, становились до неприличия все красноречивее и красноречивее и переходили всякие границы этики, принятой в наших научных кругах. И только прилюдный подсчет патронов в револьвере профессора, неожиданно вынырнувшего из кармана его пиджака, остудили Джеббсову голову, заставили отпустить профессорovu штанину, подняться с колен и поплестись прочь под насмешки и улюлюканье других научных сотрудников из кузова. Грузовик покати по дороге, а мы остались глотать ее пыль.

Джеббс не проявил должного интереса к нашей работе, видимо, профессор чересчур охладил его пыл к археологии, и улегся в тень. Мы и сами довольно быстро запыхались, побросали лопаты, улеглись под брезентовый тент к Джеббсу и засопели. В выкопанных нами траншеях, конечно, было бы тяжеловато отбивать танковую атаку, но моя тетушка Джинджер нашла бы их вполне пригодными в качестве грядок под чеснок. Я рассудил, что копать в такую жару чистое безумство, следует дожидаться более прохладной погоды. Джимми немедленно со мной согласился и сказал, что в сезон дождей копать будет значительно приятней, благо до него осталось какая-то пара месяцев, а провизии у нас навалом.

Первая неделя прошла незаметно, мы целыми днями валялись в тени брезента и делали только то, что ничего не делали. Это было мое любимое занятие, я делаю его лучше других, это мое призвание. Джимми периодически почитывал Библию – единственную книгу, которая у нас оказалась. Ее дала мне в дорогу моя добрая тетушка три года назад, когда мы с Джимом покидали родные пенаты. Тетя сказала, что в этой книге я найду ответы на все свои вопросы. Не знаю, какие она вопросы задавала себе перед прочтением этой книги и находила ли она в ней ответы, но лично я еще никогда не прочел в ней точный и удовлетворительный ответ на какой-либо мой вопрос. Нет, ну когда мы с Джимом в первый раз прочно заблудились, а он сопровождал меня все три года наших путешествий, впрочем, как и предыдущие девятнадцать, и раскрыли и спросили у книги, куда же нам идти, то она нам дала четкий ответ: «К Коринфянам», и тут мы четко поняли, что на развилке надо было все-таки направо. А когда той же ночью мы забрели, наконец, в какой-то спящий маленький городок, то снова спросили у книги: «Где нам добыть еды, крова или хотя бы немного денег?» И с открытой наугад страницы нам было дано четкое указание: «К Иудеям». Да... населению этого городишка еще долго будет сниться в кошмарах, как два молодчика, в одну прекрасную лунную ночь, стучатся в их дома и ищут евреев. Никто, конечно, им дверей не открывал, но каждый судорожно вспоминал всех своих родственников, особое внимание обращая на темноволосых и кучерявых, при этом

непременно отвечая, что никого нет дома. Когда мы обошли добрую половину домов и убедились, что дома таки никого нигде нет и готовились уже приняться за злую половину домов, нам неожиданно ответили. Кроткая чувствительная душа из-за дубовой двери севшим женским баритоном нам поведала, что эти сволочи живут на той стороне площади в двухэтажном доме с лавкой внизу, в которой ничего покупать не надо, потому что у них товар лежалый, и что ни обладательница этого чудного голоса, ни миссис Баклер, ни другая благопристойная половина Сильвертауна к ним не ходит. Светало. Добрые люди, живущие в доме над лавкой, долго рассматривали нас в маленькое окошечко через прицел дробовика, пока не убедились в искренности и некриминальности наших намерений. Я и не подозревал, что за пять минут через все то же маленькое окошко можно выслушать столько полезных советов о том, как зарабатывать деньги и потратить их на лечение в доме для умалишенных.

Долго мы еще смеялись с Джимом в то утро, когда укладывались спать в стог сена, жуя хлеб, которым нас угостили пастухи, смеялись и вечером, когда проснулись и потопали по дороге дальше, смеемся и теперь, когда вспоминаем эту или какую другую историю из нашей жизни.

Память щадит наше сердце, поэтому наиболее плохие и неприятные воспоминания стираются и притупляются, а хорошие, наоборот, выпячиваются, тщательно шлифуются и полируются от серости бытия, поэтому всю тусклость жизни мы наблюдаем только в настоящем; заглядывая же в день прошедший, мы видим только аккуратные белые столбики приятных моментов на ярко-зеленом газоне жизни. Будущее же представляется нам сплошным фейерверком. О, это сладкое слово «завтра». В нем нам всегда хорошо и комфортно, в нем нам всегда будет хорошо и комфортно. Завтра все должно быть так, как надо, так, как мы хотим, и никак не иначе. Но доживая до завтра, которое становится сегодня, нам остается только запах горелых петард от прошедшего, а точнее, так и не состоявшегося праздника, которому никогда не суждено свершиться. Будущего нет, прошлого никогда не было. Есть только сегодня, только сейчас. Им и надо жить. Только тогда ты будешь жить в живом мире настоящего, а не в мире иллюзий или в мире призраков.

Глава вторая

Страна, в которой мы очутились, была, наверное, самой бедной на этом и без того не богатом континенте. Половину ее территории занимала безжизненная пустыня, все население которой состояло из сорока жуков, и те состояли на строгом учете. Остальная часть страны мало чем отличалась от пустыни, но в ней, по крайней мере, можно было жить, хотя я бы не назвал это жизнью. Ее уровень даже обеспокоил обычно равнодушного к чужим проблемам Джеббса:

– Вот ты умный, Джимми, а скажи мне, почему люди тут так живут плохо. Ну, вот совсем плохо. Тут же все человечество зародилось, с твоих слов, а такое впечатление, что из всего прогресса цивилизации они приобрели лишь пластиковые ведра и любовь к выпивке, а во всем остальном остались на доисторическом уровне. У них наверняка было больше времени, чтобы развиваться как следует, да и климат тут потеплее, чем у нас... – Джеббс с утра был озабочен этой проблемой после небольшой прогулки в деревню местных с целью обменять или приобрести свежий хлебушек или чего-то иного, отличного от содержания наших консервов, составивших основу нашего теперешнего рациона. Хлебушка Джеббс тогда не принес, зато принес впечатления от жизни местного населения, которыми он теперь и делился с нами.

– Существует такая теория, что... – начал, не спеша, Джимми.

Стоит отметить, что он всегда начинал извергать свои неприличные объемы знаний с этой довольно штампованной фразы: «Существует теория...» Хотя другим людям, которые начинают что-либо объяснять с этой затертой фразы или с другой: «По мнению ученых...», я обычно не особо доверяю. Они могли бы говорить более прямо: «Я как-то слышал, но не помню где, не помню что, но я сейчас вставлю свои пять центов, чтобы поумничать и привлечь к себе внимание, даже несмотря на то, что говорить я буду полный бред...» Джим конечно же был не из таких. Раньше он говорил более конкретно: кто высказал данную теорию, в каком году, в каком издании или на каком симпозиуме она была впервые высказана, когда была принята за основу вместо предыдущей. Отдельно шли всякие дополнительные материалы, такие, как краткая биография автора, мнение реакционеров, радикалов и либералов по этому вопросу и прочее. А еще Джим грешил тем, что называл год и название издания, номер страницы и абзац, где он с этой теорией имел честь ознакомиться. Но затем он понял, что это все лишняя и не важная информация, и перестал ее запоминать. Потом он перестал называть имена ученых, их степени и заслуги, историю сделанных ими открытий и прочее. И стал просто и кратко говорить уже о самой теории или открытии, начиная с банальнейших слов: «Есть такая теория» или, «по мнению ученых». Все-таки надо признать, что, несмотря на полную социопатию данного персонажа, не могу не заметить, что он иногда старался донести до окружающих его в пространстве и времени людей какие-то мысли и знания в компактной и доступной форме, а не оставаться горделивым всезнайкой.

Итак, Джим Гаррисон начал стандартно, со слов: «Есть такая теория».

– ...что на развитие европейской цивилизации большое влияние оказало колебание среднегодовых температур, приводящих как к смене сезонов, а иногда и к сильному похолоданию или потеплению климата, ледниковым периодам и прочее. Народы, населявшие Европу, были вынуждены постоянно приспосабливаться, как-то развиваться, изобретать новые технологии, постоянно бороться за выживание всего своего народа. Борьба с природой подстегивала развитие знаний. А народы Африки, Америки и части Азии, не сталкивавшиеся с такими природными катаклизмами и жившие в более благоприятных природных и климатических условиях, остались на прошлом уровне. В то время, когда в Европе уже вовсю дымили мануфактуры, большинство остального мира еще жило при первобытно-общинном строе.

– Ага, – начал привычно язвить я. – Зато теперь ваши заводы настолько закоптили все небо, что нам теперь всем грозит очередное потепление климата, прямо как в теплице. Лучше жили бы себе как вот эти, – и я махнул в сторону видневшейся вдалеке деревни, – просто и без всяких машин, то, может, и Земля была бы чище и смертность ниже, люди бы до ста лет жили!

– Ну, до ста лет можно было жить всегда! Но вот, правда, в древности средняя продолжительности жизни была тридцать лет... А вот что касается потепления климата, то, насколько я понял, ты имел в виду так называемый парниковый эффект?

– Да, он самый! – ответил я обиженно. Не очень люблю, когда со мной начинают разговаривать как с ребенком, но Джимми по-другому не умел.

– Насчет того, что заводы и прочие достижения техногенной цивилизации загрязняют нашу планету, я абсолютно согласен, и это ужасно, – продолжил Джим голосом самого терпеливого учителя в классе с самыми непроходимыми учениками. – Но то, что их выбросы вызывают парниковый эффект – это все чушь собачья...

– Стойте, стойте, – снова включился в разговор Джеббс. – А как же – «Есть такая теория»? Джим рассмеялся:

– А вот тут как раз и нет никакой теории.

– Как нет? – это мы уже с Джеббсом запели хором, немного подпрыгнув, насколько позволяли размеренные полуденной жарой тела. – Все ведь только и говорят об этом, о парниковом эффекте, как о главной проблеме человечества!

– Ну, говорят и говорят, что с того, – невозмутимо парировал Джимми. – Но вот только теории, как таковой, научной, не только доказывающей, но и хоть как-то обосновывающей это предположение нет.

– Как это нет? – все не унимался Джеббс.

– А вот так, как есть, но только наоборот. Есть ряд докладов комиссии ООН, подкрепленных предположениями некоторых ученых, и все. А еще есть большая шумиха по этому поводу.

– А зачем?

– Ну как зачем? Человечеству нужна глобальная проблема. И чем она глобальнее и страшнее, тем лучше. Тем лучше управлять этим человечеством. Раньше у нас раздували проблему коммунистической угрозы, теперь глобального потепления, не переживай, скоро придумают что-нибудь пострашнее, чтобы ты уже боялся наверняка и молился на своих политиков – единственных, кто сможет с ней бороться, а ты будешь наблюдать за их подвигами, затаив дыхание, и беречь свой голос до выборов.

К слову сказать, Джимми, несмотря на свой постоянный обет молчания, периодически выплескивал на людей накопившиеся мысли или знания. Видно, внутри у него им становилось тесно, и, чтобы куда-то можно было запихнуть новые, ему просто было необходимо с кем-то поделиться старыми. Но вы не считите Джима за ходячую энциклопедию, такого мистера-всезнайку, который знает кучу чужих мыслей, но не имеет ни одной своей, стоящей. В период сбрасывания Джимом лишних знаний в атмосферу можно было обнаружить путем анализа, что все они были им как следует переработаны, с добавлением своих идей, причем, иногда ему удавалось выдвигать полностью свои теории, ну или мне тогда казалось, что они полностью его. Просто иногда моя вера в знания Джима Гаррисона была столь непоколебимой, что скажи он мне, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца, – я бы поверил бы безоговорочно, даже если бы на самом деле это было не так.

Но одной из моих самых любимых теорий Джима была та, которую он высказал в седьмом классе накануне каникул, когда мы отличным майским днем, после уроков, пошли за город и валялись там в поле. Все было вроде бы прекрасно: и солнце, и трава, и ветер, и какие-то птички то щебетали, то принимались летать туда-сюда, но я ничего этого не замечал – я был расстроен, что у меня по геометрии за год выходила в лучшем случае тройка. И это будет уже шестая тройка в табеле, а минимум троек, по словам тетушки Джинджер, был уже мною исчерпан еще

в прошлом году, поэтому желанная летняя поездка в луна-парк оказалась под реальной угрозой срыва. Джим спросил у меня, чего я такой кислый, ведь все вокруг так прекрасно! Хорошо ему было говорить, ведь ему ставили пятерку лишь за то, что он приходил на экзамен! И я ответил, что настроение препаршивое, по геометрии будет трояк, в луна-парк и на ярмарку, скорее всего, не возьмут, и вообще все вокруг какое-то дерьмовое, и сплюнул.

– Даже этот прекрасный день? – от всей души изумился Джим.

– Этот день в особенности! Ниче в нем особенного нет, кроме того, что он дерьмовый, а впереди еще куча таких же, – и я плюнул вверх, но так, чтобы плевок по баллистической траектории попал на ближайший дерьмовый цветок. Но я промазал.

– Ты неправильно живешь и мыслишь, Билли! – Джимми не переставал мне удивляться, не плевался и обоими этими вещами тогда начал меня раздражать.

– А ты, значит, правильно?

– И многие живут вот так, не радуясь, – Джимми умел продолжать свою мысль, не обращая внимания на сопротивление собеседника. – Не понимая, что вся наша жизнь, точнее все, что мы в ней делаем, – это пашем на эндорфин.

– На кого? – я аж приподнялся на локтях. Я знал всех богачей нашего городка и всей округи, потому что планировал рано или поздно разбавить их общество кислых лиц своим присутствием, но с такой мерзкой фамилией не мог вспомнить ни одного.

– Не на кого, а на что! На эндорфин. Это так называемый «гормон счастья», он вырабатывается у нас в мозгу, и когда вырабатывается, то мы чувствуем себя счастливыми.

– И когда он вырабатывается? – не слишком веря, уточнил я.

– Когда в нашей жизни происходят хорошие, приятные вещи. Мы получили пять по геометрии или нашли сто баксов, или нам сказали, что нас все равно возьмут в луна-парк, и так далее. Всегда, когда с нами происходят приятные нам вещи, наш мозг вырабатывает сам себе эндорфин и тихонечко там радуется в своей черепной коробочке, и мы заодно с ним, потому что человеческая личность тоже живет где-то там, в мозгу... Так вот, мы начинаем чувствовать себя счастливыми не потому, что нашли стодолларовую бумажку с портретом улыбающегося дядьки Бенджи, а потому, что мы сами себе скомандовали, что найти сто долларов – это хорошо, и мозг по команде начал вырабатывать эндорфин и там ты с ним в обнимку, оба стали резко счастливые, не на всю жизнь, конечно, так, на некоторое время, но, тем не менее – счастливыми! Ну и вот, все, все, что мы делаем в этой жизни, по большому счету направлено на то, чтобы кайфовать от выработки эндорфина в мозгу. И уровень кайфа зависит не от произошедшего события, а от нашего, а в данном случае твоего отношения к нему. Найди ты два цента, ты был бы счастлив?

– Не особо...

– А сто долларов? А тысячу?

– Конечно, о чем речь!

– Так вот в том-то и дело, что Рокфеллер бы за ста долларами даже и не нагнулся. Хотя Рокфеллер бы как раз бы и нагнулся, но разогнувшись, он не был бы счастлив, понимая, что пока он нагибался, его контора заработала за это время ему еще тысячу, а он всего сто, и он посчитал бы, что остался в убытке, и еще больше бы расстроился. Но дело не в этом, а в том, что событие с вами вроде одно и то же происходит, но ты вырабатываешь эндорфин и кайфуешь, а он нет, ему надо как минимум миллион найти, чтобы он хоть какое-то удовольствие получил.

– Ну, ты сравнил... с Рокфеллером, – этот пример меня явно никак не зацепил и ни в чем не убедил, и тем более в том, что надо скакать от радости от того, что я знаю, что мне скоро светит по предмету о черчении дурацких треугольников.

Видя, что меня не проняло это сравнение, Джимми не сдался, а поискал кое-кого поближе:

– Хорошо, ты знаешь Энди?

– Того слепого пацана с улицы Роз? – уж с ним-то Джим точно не сможет меня сравнивать – парень с рождения ничего не видит, ходит с палочкой и ста долларов не найдет никогда, поэтому эндорфин ему вообще не светит ни при каких вариантах.

– Да, он самый, – не унимался Джим. – Так вот, ты лежишь тут и стонешь о своей тройке, и не замечаешь всей этой красоты кругом – солнца, неба, травы. А Энди всего этого никогда не видел и вряд ли когда-нибудь увидит. А если бы и увидел, то наверняка сошел бы с ума от счастья. Он бы получал удовольствие от разглядывания каждой травинки, каждой букашечки и ее какашечки, он получил бы такую дозу эндорфина, что поначалу был бы самым счастливым мальчиком на земле. Но у него никогда этого не будет, а ты уже это все имеешь и не хочешь быть счастливым! А он никогда не будет иметь, и, тем не менее, он все равно пытается быть счастливым – я вчера шел по его улице и видел, как он сидел на скамейке перед своим домом, читал книгу для слепых и улыбался. А потом две маленькие соседские девочки взяли его за руки и бегали с ним по дороге, и он радовался и смеялся, потому что уровень эндорфина у него в мозгу зашкаливал. Он может получать удовольствие от простых вещей, и я могу, и ты сможешь, если перестанешь расстраиваться по пустякам, или что еще хуже – постоянно изображать из себя крутого парня, выпускать из себя дым и напускать важный вид. Я видел однажды одного мальчика, у которого есть все, ну, вот вообще все – мы ездили к родственникам в Даллас и жили у них несколько дней. Они очень богатые, очень, у них огромный особняк, самый большой в районе, и у их единственного сына (я был тогда помладше, а ему было как нам сейчас) уже тогда было все, даже собственная машина. Водительских прав у него еще не было, а машина была, и говорят, что это уже третья – предыдущие две продали, потому что они ему разонравились, да и третьей, когда мы приехали, он был уже недоволен. А кроме этого он был недоволен и всем остальным, и был очень несчастным. У него было все, но он ничем не был доволен и не знал, что ему еще надо, чтобы стать счастливым. Но он не умел получать удовольствия не только от простых вещей, но и от всего того огромного количества интересных вещей, что он имел, в том числе и от машины. Не умел и всё, и был несчастен. Очень. А там, на той же улице, ребята играли в футбол и были счастливы, все, что у них было – это мяч, игра и они сами. И они от всего этого получали столько удовольствия, ну просто море, и с эндорфином у них тоже все было в порядке. Я пытаюсь донести это до своего отца. Но он не понимает. И если мы едем куда-то далеко, то он долго ищет самую дешевую заправку, чтобы сэкономить доллар, нервничает, раздражается – не хочет быть счастливым, получать кайф от дороги, от путешествия, от своих пассажиров. Сам эндорфин не вырабатывает и нам с мамой не дает! Он считает, что получит удовольствие или свою дозу эндорфина потом, когда сэкономит этот доллар или тогда, когда будет его тратить – он же бонусный! Но он не получает удовольствия ни когда ищет заправку, ни когда экономит этот несчастный доллар, ни когда потом прощается с ним. И вместо того, чтобы получить три раза свою среднечеловеческую порцию эндорфина, он ее вообще не получает и поэтому живет несчастливо, ища причину в несэкономленном где-то долларе.

– По-твоему, все богатые люди несчастные, а бедные счастливые? Что-то я давно не встречал счастливых бедняков!

– Да нет же! Есть и среди миллионеров вполне счастливые люди, а среди нищих полно несчастных. Но это не зависит от их положения, это зависит от их отношения к жизни! Просто надо сосредотачиваться не на стремлении к обладанию какими-либо вещами самими по себе, в том числе деньгами или положительными отметками по геометрии, а на получении удовольствия от них. А если ничего нет, то тоже не беда – солнце, небо и ветер для всех общие, они всегда под рукой и от них всегда можно получить свою порцию эндорфина.

Я внимательно выслушал тогда Джима, но все равно побрел потом, после этого долгого разговора домой все равно грустным. Я не сразу принял теорию Джима под названием: «Все мы пашем на эндорфин». В тот год я таки получил по геометрии свою законную тройку, меня

долго ругали и попрекали ею, но все равно потом взяли с собой на ярмарку в луна-парк. Но там я почему-то не был счастлив и не получил особого удовольствия, аттракционы за год порядком пообветшали, а несколько любимых вообще не работало, и от тех, что были, уровень эндорфина как-то особо не повышался.

Но постепенно я начал ловить себя на мысли, что не получаю удовольствия от, казалось бы, вещей, которые должны были приносить очевидную радость, а от всякой ерунды я бываю иногда счастлив. Счастье наступает иногда в такой момент, когда его и не ждешь – бах, порадовался какой-то мелочи, улыбнулся и уже счастлив, чувствуешь, как там мозг эндорфинчиком уже балуется и тебе самому становится хорошо. И я начал стараться получать кайф от всего, от всяких мелочей, даже от того, от чего раньше бы расстроился – я терял мелочь, что мне давали на обед в школе, и не расстраивался, а получал удовольствие от того, что просил у Джима или еще у кого другого сэндвич. Я получал двойку, шел домой и радовался тому, что могу ходить. Я ложился спать и кайфовал от того, что у меня есть отдельная комната, от того, что мне было что есть на ужин и по ночам нас не бомбят. Я засыпал счастливым от того, что знал, что, возможно, увижу прекрасные сны. Я начал глядеть вокруг себя совсем другими, счастливыми глазами и увидел рядом прекрасных и тоже счастливых людей – это и тетушка Джинджер, получавшая удовольствие и от своей торговли, и от походов в церковь, и даже от выходок своего мужа. Тот вообще был со всех сторон счастливым человеком, но о нем чуть позже. Я видел, какими счастливыми глазами смотрит на этот мир Джим, и я был благодарен ему за то, что он так научил смотреть и меня. Но я также начал замечать вокруг себя и кучу глубоко несчастных людей, которые жили, как им казалось, очень несчастной, серой жизнью, сами не понимая, что это только их вина, что они так живут и не в состоянии получать от жизни свою дозу кайфа. Они не понимали, что все мы падем на эндорфин, что это и есть главное предназначение любого человека – быть счастливым! Правда, вот многие из людей не совсем правильно понимают этот лозунг, тратя время на физические, а зачастую физиологические удовольствия: карты, выпивку, женщин, получая какую-то дозу не того кайфа и мучаясь потом по утрам угрызениями совести, похмельем, долгами и венерическими болезнями.

Я стал мыслить по-другому и ни разу об этом после не пожалел. Поэтому, когда спустя несколько лет, после того как Джим открыл во мне эндорфиновый краник, в один прекрасный летний вечер он остановился у моей калитки и предложил отправиться попутешествовать, я сразу же согласился. Потому что я знал, что впереди нас ждет ну просто море эндорфина, по которому мы плыли, плыли, пока не приплыли теперь сами знаете куда.

К исходу третьей недели пребывания в этом африканском лагере, когда беспокойство по поводу долгого отсутствия большей части нашей научной экспедиции во главе с ее идейным вождем начал высказывать даже ходячая жертва эндорфина по имени Джим, от профессора и компании поступило известие. Точнее не от них, а о них – мы получили в виде выпуска местной еженедельной газеты, которую я бы назвал ежедвухнедельной, потому что выходила она раз в неделю, а привозили ее в местное миссионерское отделение раз в две недели, вместе с почтой и прочими необходимыми вещами аккуратно раз в две недели. Миссия располагалась в той маленькой деревушке и состояла из одного дома и нескольких монашек. Пока наши отношения складывались лишь в обмене некоторыми продуктами и предоставлением нам любезной возможности ознакомиться с местными новостями посредством вышеназванной газеты.

Джеббс, едва получив газету в руки, сразу весь углубился в поиски в ней хоть какой-то информации о прибытии столь важной научной экспедиции, а лучше собственного портрета в полный рост, в охотничьем костюме и пробковом шлеме, чтобы одна нога на трупке льва, а во второй руке ружье и чтобы дымок еще шел... На что я заметил, что Джеббс мог видеть льва только в зоопарке и то, держа в это время за руку маму. На что он ответил, что даже уже эскимосы применяют фотомонтаж для получения красивых видов Аляски, хотя всем давно известно, что там кроме нефтяных вышек уже ничего не осталось, и я сам мог бы быть уже

в курсе данного достижения, если бы мы с цивилизацией не развивались в противоположных направлениях. Но в этой милой стране наверняка нашлась бы парочка отчаянных парней, которые смогли бы увековечить личность Джеббса на страницах своей передовицы, будь у них чуть больше свободного времени.

Нашу слегка затянувшуюся дискуссию прервал то ли полукрик, то ли полувздых Джима: «О, нашел!» Мы тут же заглянули в его, второй, более свежий выпуск и обнаружили, что нашел не Джим, а нашли пограничники, точнее, обнаружили и задержали банду незаконных добытчиков алмазов на границе с соседней страной. Были и фотографии, две: профессора с наручниками и грузовика без. В статье также указывалось, что до сих пор не обнаружены остальные члены банды, а также их базовый лагерь, но ведутся их активные поиски. Молча и спокойно мы оторвали взгляд от четырехполосной пакостной газетенки и медленно осмотрели горизонт. Почти одновременно наши глаза уперлись в малюсенький столбик пыли, который был так далюсенько от нас, очень медлюсенько приближался и обозначал большусенькие проблемы. В жизни я бы не поверил, что люди в состоянии рыть так быстро окопы, если бы не участвовал в этом сам. Причем я видел работающего Джеббса, а это было уже само по себе невероятным событием, и ради этого зрелища стоило проделать сюда столь долгий путь.

За сорок минут, за которые облачко пыли медленно превращалось в столб пыли, тянувшийся за военным джипом, мы успели основательно окопаться, и, будь у нас пары пушек, Роммель был бы нам уже нипочем. На джипе приехали двое. Загорелые негры, в форме, с автоматами и недобрыми лицами. Мы как могли старались придать своему английскому местный акцент и наперебой на нем говорили, что никаких бандитов мы не знаем, грузовика их никогда не видели тоже, на каком корабле они приплыли вместе с нами, мы не знаем, и когда они обещали вернуться, мы тоже не в курсе. Военные, так и не промолвив ни слова, и, надеюсь, не поняв ничего из той околесицы, что мы несли, проследовали дальше к деревне. Проезжая через полчаса обратно, они снова посмотрели на нас, но мы были уже подготовлены – дружно кланялись, говорили: «Масса, масса» и махали Джеббсовым белым платком в горошек. Когда облако за джипом стало снова уменьшаться, мы попадали под тент от усталости и нервного напряжения и приняли совместное решение: в честь нашего спасения сегодня вечером устроить праздник, дунуть и позвать девок.

Дунуть – это означало выкурить мою заначку – разлапистую веточку марихуаны, которая уже давно дожидалась своего часа в книге, что читает иногда Джим, где она бережно хранилась уже не первый месяц в ожидании особого случая. Позвать девок – это пригласить двух разбитых сестер-монашек, которые еще несколько лет назад были нью-йоркскими проститутками, попавшими однажды в неприятную историю в Большом Яблоке, и, чтобы не кормить рыб в Гудзоне, они предпочли стать на путь Божий, но как можно подальше от родного берега. Одну из них звали Эльза, а другую Елен, хотя она просила называть ее Елена, чтобы она не забывала свои русские корни, но мы, конечно, звали ее как нам удобнее – Елен, а она больше нас и не поправляла.

Отношения между нами за этот неполный месяц сложились довольно дружеские, я бы даже сказал, соседско-платонические, хотя как по мне, то уже пора было переходить к плотоядным, тьфу, то есть плотским отношениям. Но стратегный Джеббс предложил не спешить с этим делом, так как они все-таки монашки, пусть и с прошлым, а мы как-никак теперь научные работники, хоть и наемные, и это нас немного сдерживало и дисциплинировало. Джеббс очень мечтал стать нобелевским лауреатом, а тут такой шанс! Но сегодня пелена спала с наших глаз и мы вместо научных снова превратились в обычных, чудом спасшихся работников, и поэтому было принято решение устроить по этому поводу небольшое бордельерро местного значения с привлечением выпивки, легких наркотиков и, надеюсь, доступных женщин.

Переговорщиком от нас был единогласно выбран Джеббс, как самый представительный и самый одетый, потому что у нас с Джимом из одежды были на двоих только одни штаны с

майкой. Благо последняя была достаточно длинна, чтобы прикрывать колени, чего нельзя было сказать о штанах, для которых и слово «бриджи» уже стало недостижимым. Джеббс вернулся назад довольно быстро, в приподнятом настроении, и сообщил, что дамы будут, причем не одни, а вместе с флягой спирта. Не успел я понять, чему я рад больше, как Джеббс сразу же предложил сестер поделить заранее. Джим возразил, что это не совсем корректно, что мы с ними едва знакомы и заниматься банальным распределением в такой интимной сфере, как личностные межполовые отношения, по крайней мере, неэтично и бесполезно, сердцу, мол, не прикажешь... Даже я посмотрел на Джима как на инопланетянина. Нет, ну я знал, что он девственник, но все имеет свои пределы!

– У них есть спирт, у нас – трава, надо делить сейчас, чтобы потом не было неразберихи, – практично подвел итог всем этим разглагольствованиям Джеббс.

Решили тянуть бумажки с именами. Джеббс сказал, что он будет тянуть два раза.

– За то, что ходил, – заглушил он мой недовольный окрик. – А если не нравится, сейчас схожу еще раз, и Санта с Клаусом уже ни к кому не придут. Вас с вашим видом все равно только в темноте показывать людям можно.

Я потерял бороду и кивнул.

– Лишь бы ночь была безлунная, – успел вымолвить Джим, как Джеббс уже быстренько нарвал четыре бумажки, надписал две из них, свернул, перемешал, сказал, что будет тянуть первый, и вытянул, одну с буквочкой «Е», а вторую с – «Э».

«Да... Не везет так не везет», – подумал я, вертя вместе с Джимом в руках пустые бумажки. Джеббс поспешил готовить себе на ночь тройное брачное ложе, а наши одеяла предложил нам постелить на другом конце пустыни, ну или хотя бы за линией траншей, опоясывающей весь наш небольшой лагерь. Переселяться мы отказались напрочь и сказали, что раз не будем участвовать в ночной оргии, то посмотреть, ну или, в крайнем случае, послушать, если ночь все-таки будет лунная, имеем полное право.

Дамы прибыли вовремя, фляга тоже не опоздала.

– Ух, какие симпатичные! – изрекла Эльза, которую многие, даже жившие долго и одиноко в пустыне, все равно называли бы безобразной. Вторая, Елен, была не в пример симпатичнее подружки, я бы даже сказал, что было в ней что-то ангельское, она была более сдержанна на слова и поступки и поэтому целомудренно промолчала.

– Надоели мне эти обезьяны! – продолжала первая. – Целый день им талдычишь про любовь к ближнему своему, они кивают дружно, а потом ночью прирежут своего соседа и едят его до утра, а нам затем потроха на суп несут... Брррр!

– Да, с мясом здесь туговато... – это, наконец, подал голос мой белокурый ангел.

Тут я вспомнил, как сладострастно на нас с Джимми смотрели двое местных на прошлой неделе. Мы еще подумали, что гомосексуализм докатился и до этих мест, Джим смеялся, а мне стало тогда тошно. Сейчас мне снова стало тошно, но уже по-настоящему. Меня спас Джеббс, который крикнул, что стол готов. Когда мы зашли за ряды ящиков, пространство, огороженное ими, можно было вполне считать за комнату, мне стало понятно, что готово, скорее всего, ложе на троих, а мы с Джиммом даже на первой части вечера будем выступать статистами. Такого мы терпеть уже не могли и немного перетряхнули приготовленную для трио «Zavodnoy DJebbs vs Monashki» постель, скрутили одеяла и уселись на них верхом поближе к ящику с кучей открытых консервов. Сестры тоже приняли самое живое участие в разделе постельных принадлежностей и присоединились к нам и все принялись уплетать все те деликатесы «черного дня», которые мы достали из самых тайных ящиков. Джеббс ел за троих, видать копил килокалории для решающей битвы, а как дошло дело до консервированных персиков, то он пробубнил с набитым ртом, что может на спор съесть все оставшиеся пять банок. Никто, конечно, не дал осуществить ему столь гнусный план и персики были распределены более менее справедливо, но при слове «спор» я тут же вспомнил о Дяде...

Глава третья

«Не каждый дядя достоин отдельной главы, да еще и с эпиграфом...»

Итак, при слове «спор» я тут же вспомнил о Дяде. Надо признаться, что я вспоминаю его не только после этого слова, но и после некоторых других слов, а иногда и просто так, но сегодня он мне вспомнился именно после этого. Я могу вам немного рассказать о нем. Хотя я могу рассказать и много – там хватит на целую книгу и не одну, но я думаю, что и небольшого знакомства с моим дядей будет для вас вполне достаточно, он умеет достаточно быстро утомлять, даже в пересказанном виде. Я буду называть его Дядя, да, именно «Дядя» и непременно с большой буквы. Хотя он действительно приходится мне родным дядей, и я прекрасно знаю, как его имя, но не буду поминать его всуе, а буду просто уважительно называть его Дядя...

Так вот, мой Дядя любил шутить. Нет, не в привычных проявлениях этого слова, принятых в нашей местности, такими как дружный хохот над героями туповатых комедий, падающих в лужу, или подсыпанием неслетельной дозы стрихнина в суп соседу, когда вы у него в гостях. Нет, мой Дядя умел шутить по-настоящему! Он был творец! Колкости, приколы и остроты сыпались из него на окружающих, как пряники из рога изобилия. Он умел шутить над всем и всеми, не останавливаясь ни на миг. Не то чтобы Дядя пытался все высмеять, нет – он просто не мог воспринимать мир серьезно, как воспринимаем его мы с вами. Он говорил: «В жизни вообще практически не бывает серьезных вещей: над чем горюешь сегодня, завтра уже будешь воспринимать спокойно, а послезавтра рассказывать, как анекдот. Так отчего же не смеяться сразу?»

Дядя ко всему относился с иронией. Иногда легкой и слегка заметной, иногда с нарочито грубой желчью, но и эта желчь была сама по себе смешной, не только в качестве критики по отношению к кому-либо, а просто сама по себе, эдакая выставочная желчь в банке.

Все люди, которые окружали Дядю в различное время суток – будь то вечер или день, один или сто человек, все они обычно пребывали в состоянии от коликов различной глубины и резкости до шока средней тяжести в зависимости от степени своей подготовленности и градуса дядиного задора в данный момент. Он никогда не играл на публику. Никогда никого не пытался смешить – он не был веселым добродушным клоуном с красным носом и плоскими мозгами. Он не работал на публику, но нуждался в ней. Дядя почти никогда сам не смеялся над своими шуточками, даже если народ вокруг ползал на карачках и молил о пощаде. Его лицо всегда сохраняло подобие маски, и этот контраст между зажигательным юмором и меланхолично-отрешенным выражением лица создавал еще больший резонанс в гражданах, которые к тому времени уже перестали ползать на коленках, а просто вздрагивали в конвульсиях на полу.

Дядя никогда не повторялся. Он считал, что шутка, повторенная дважды, перестает быть смешной. Правда, был и такой особый разряд шуток, по признанию самого Дяди, вся прелесть которых состояла в их постоянном повторе и частом употреблении. Некоторые были у Дяди всегда под рукой, остальные просто валялись в переднем кармане. Например, его любимый прикол про время. Всегда в любой время года, суток, расположения планет относительно Земли и Луны, относительно приливов и менструального цикла, на вопрос: «Сколько времени?» Дядя неизменно отвечал: «Полвторого». Голос у него всегда был уверенный и четкий, какой мог бы быть у лондонского Биг-Бена, если бы тот умел говорить. Родные уже так давно свыклись с этой временной дядиной константой, что перестали обращать на нее внимания. Чего нельзя сказать о незнакомцах, желавших иногда ознакомиться у Дяди с их расположением во временном отрезке григорианского летоисчисления и всегда получавших авторитетнейший

ответ: «Полвторого». Некоторых это вводило в такой ужас, что они начинали двигаться быстрее фаворитов на скачках, где они имели неосторожность спросить у респектабельного господина: «Который час?» Затем жертвы дядиного времяисчисления обычно подбрасывали вверх билеты со ставками и заключенными в них остатками семейного бюджета и быстрее, чем те успевали опуститься на землю, чтобы быть подобранными благодарными дядиными племянниками, срочно ретировались с ипподрома, придумывая на ходу для своих женушек душераздирающие истории из жизни похищенных кошельков.

Итак, Дядя никогда не повторялся, но зерна его таланта иногда давали всходы на благодатной почве штата Канзас. Заехав бывало в какой-либо захудалый городишко к своим старым знакомым на пару бутылочек достаточно крепкого чая, Дядя мог услышать шутку, над которой он мог и сам посмеяться от души. Причем не просто шутку, а целый культ, пласт юмора, который вырос явно из какого-то старого прикола, оброс подробностями, вариантами, слоями и ракушками, являясь при этом одним из основных стержней местного фольклора. Дядя как истинный ценитель и знаток юмора, непременно интересовался историей происхождения данного перла. Обычным ответом на это был круг недоуменных лиц и разведенных рук обитателей данного конклава: «Мол, это ты сам так пошутил много лет назад, когда был здесь последний раз. Нам шутка очень понравилась, вот мы и развили ее!» Дядя, который действительно забывал почти все свои выбрыки большого рассудка уже на следующий день, неизменно улыбался в таких случаях, слегка подтрунивал над окружавшими его последователями, отчего последние начинали чувствовать себя генетически измененными продуктами, и затем одаривал их очередными порциями нового компоста и до конца вечера нежился под сенью древа разросшейся шутки, оброненной им в благодатную почву, под благоговейные трели местных обитателей.

Один из почитателей дядиного таланта, который умел говорить, читать и записывать свои мелкие мыслишки в еще более мелкий блокнотик крупными буквами и оттого именовавший себя писателем, долго предлагал Дяде написать книгу, ну или хотя бы позволить ему записывать дядины шутки и использовать их в своей книге. Сделать это без дядиного разрешения приспешник не решался, так как это грозило отлучением от церкви почитателей таланта Великого Смешного. Но Дядя всегда отмахивался от его предложений словно веником от мух: «Это обыденно, глупо и неинтересно».

– А если ваши шутки вдруг будет использовать кто-то другой? Если он напишет книгу и заработает кучу денег? – не унимался писашка.

– Ну заработает и черт с ним! Подхватит он пару моих шуточек и будет носиться с ними как убогий с конфетой, что с того? Конфету он свою съест, деньги имеют свойство заканчиваться, а мой юмор всегда со мной! – в этом месте он обычно хлопал себя по необъятному животу, и всем сразу становилось понятно, где у Дяди живет его коллекция смеха и что хватит ее еще надолго. – Он подхватит пару угольков у моего костра и греется ими всю жизнь, они остынут, а новых ему взять будет негде. А я как действующий вулкан, который одаривает окружающих вечным огнем, лавой и посыпает их головы пеплом, – потом Дядя обычно начинал гоготать демоническим хохотом, вы не обращайте внимания, у гениев часто не все дома, а кто дома, те обычно голодают. Семья Дяди не исключение, – если бы он занимался ее пропитанием и проживанием, то эта ячейка общества была бы уже давно и надежно зарыта на глубине шести футов в деревянных ящиках.

Жизнеобеспечением в дядиной семье занималась, как и в большинстве семей, его жена – тетушка Джинджер. Она владела небольшим, но довольно преуспевающим магазинчиком, который кормил не только ее, Дядю, все их потомство, но еще с десятков мелкородственных прихлебателей, включая меня самого.

Сам Дядя за свою жизнь сменил около миллиона профессий. Он менял их так быстро, что, не успевая как следует примерить на себя одну шкуру, уже ногами влезал в следующую. Например, выходил он с утра из дома устраиваться плотником, приходил в пожарное депо,

поступал туда на службу диспетчером и после подозрительно быстрого возвращения домой думал уже о карьере моряка. Ночь, проведенная за штудированием морского атласа и раскуриванием трубки, выливалась в хмурое утро, морскую болезнь и мысли о карьере землепашца.

Иногда Дядя довольно сильно увлекался и его хватало на несколько дней сосредоточенного сотрудничества с каким-то одним видом человеческой деятельности. Но тогда уже коротким становилось терпение работодателей, потому что такого наплыва рационализаторских предложений не мог выдержать и переварить ни один мозг в мире, в том числе и Эйнштейна, и самого Дяди. Причем мозг последнего и не задумывался об обработке своих идей, он их просто вещал во Вселенную. Мысль о том, что Космос решит в один прекрасный для всех день отомстить и вернет весь этот бред обратно в голову первоисточника, Дядю не пугала.

Когда список вакансий и вариантов трудоустройства в нашем и всех соседних городках заканчивался и Дядя был не в настроении заходить на очередной круг, а нерастраченная энергия еще бурлила в его самоварном теле, он принимался за создание принципиально новых профессий и родов занятий в истории человеческой цивилизации. Так как тетя Джинджер раз и навсегда преградила своим двухсотфунтовым торсом и шестиразмерным бюстом путь Дяди в мелкий и средний бизнес, требующий хоть малейших денежных вложений (на крупный у него хватало идей, не хватало кредитоспособности, особенно после той дохлой истории с разведением песка в условиях полупустыни), то Дяде ничего не оставалось, как периодически пытаться захватывать необъятный рынок по оказанию услуг для ничего не подозревающего населения. К сожалению, большая часть потенциальных, но недалеких клиентов нашей ближайшей округи не была готова к таким смелым экспериментам, как психоанализ и персональный гороскоп для крупного рогатого скота или массовый гипноз с психозом и поголовной сдачей на справедливый суд хозяев домашних вредителей. Правда, идея межзвездной экспедиции на Венеру в 2024 году нашла своих приверженцев в виде Малыша Кида, долгожителя нашего городка, первого и единственного участника этого смелого, и, по всей видимости, очень нужного для всего человечества проекта. Дядя завалился к Малышу прямо на его девяностолетие и вручил ему только что изготовленный собственноручно буклет, сделанный из разорванной коробки из-под видеокассеты с изображением Чейси Лейн в довольно открытом звездном костюме с одной стороны и нарисованной фломастером ракетой с крыльями и пропеллером с другой, с подписью: «Лети или сдохни!» Малыш сразу же выбрал лететь и тут же внес вступительный взнос в размере 19,99\$. На следующее утро весь город был в курсе этой истории, а Малыш Кид был успешно переименован в Астронавта Кида, а затем в просто Астронавта. Следующие пять лет на свои дни рождения он исправно получал шлемофоны и гермошлемы, штурвалы и куски обшивки «Челленджера», канистры с авиационным бензином, консервы со сроком хранения более тридцати лет, а также утяжеляющий водолазный пояс, чтобы не так болтало в невесомости, а также весь прочий хлам, который ему непременно понадобится в полете. Инициатором большинства подарков, как нетрудно догадаться, выступал сам Дядя. Но, к сожалению для окружающих и, наверное, к счастью для самого себя, Малыш Кид, он же Астронавт, в конце концов отправился в путешествие к звездам налегке, прихватив лишь свою душу в октябре 1995 года. На могиле же с его бранным телом лежит скромная памятная плита: «Здесь покоится Малыш Кид, первый и единственный астронавт нашего города».

Вернемся к Дяде. Так вот, главным его увлечением была не постоянная привычка менять работу и даже не умерщвление морального облика соседей, там он не встречал никакого сопротивления – достичь вершин его сарказма, а тем более побороться с ним на равных не было под силу никому из смертных. Настоящей страстью Дяди были споры. О, да! Здесь он раскрывался полностью! Здесь была борьба! Да какая борьба, здесь была война, истребление, апокалипсис! Здесь был противник – живой, пока еще живой и не согласный с тем, во что свято верил Дядя. А тот умел верить по гроб жизни! И так как дядино мировоззрение и круг интересов был равен триста шестидесяти градусам, а горячая и бесповоротная вера в нестандартное толкова-

ние событий и предметов у Дяди не имела границ, прибавьте к этому вздорный и задиристый характер моего родственника и умножьте все это на количество жителей нашего городка и вы получите примерное количество заключенных Дядей пари.

Я не буду утомлять и без того слегка утомленных дядиным обществом читателей перечислением всех споров, в которых участвовал Дядя, пройду лишь по некоторым. Скажу сразу, что большинство этих споров так и остались неразрешенными, по причине малых возможностей проверки их на практике или ограниченности человеческой жизни и терпения для проверки конечного результата. Например, что раньше погаснет: Луна или Солнце? А, каков размах? Или прорежется ли у человека в результате эволюции третий глаз? Зачем ему это надо было знать и еще об этом спорить? Не знаю.

Обычно человек, вступающий с Дядей по неосторожности в спор, уже через пять минут был готов признать свое поражение под напором дядиной харизмы и аргументов вперемешку с чесночным перегаром. Но нам не нужны легкие победы! Для начала Дядя давал уничижительную характеристику для своего визави, его ближайших родственников, их умственного и физического здоровья. Далее обычно шли прозрачные, ненаказуемые, но в то же время достаточно однозначные намеки на кровосмесительную связь всех фамильных ветвей противостоящей стороны с участием различных животных, вплоть до тотемных. Если этого было мало, тогда Дядя вкратце проходил по теме будущего поколения его противника, которое может появиться в результате такого образа жизни, если уже текущее несет на своем лице все признаки генетических изменений. Если субъект спора еще не пытался придушить Дядю, а сделать это с его почти трехсотфунтовой тушей и бычьей шеей было практически нереально, но в то же время подавал хоть какие-то признаки жизни, то приступали к практической проверке предмета спора, если таковое представлялось возможным. Тут доходило до всякого: приклеивание машины к асфальту и попытки ее самостоятельного отрыва (участвуют различные марки клея и автомобилей); протаскивание носового платка через нос и рот – тут Дядя немного поднаторел, и мы стабильно брали это очко; выпивание на скорость литра подсолнечного масла вместе с оппонентом! Тут главное было вовремя остановиться, точно зная свою дозу, после которой ты обычно начинаешь блевать – Дядя эту дозу хорошо знал, а противник обычно нет. Ну и так далее...

Я же хотел вам рассказать, как Дядя поспорил о том, сломал ли он ногу или нет. Это было на празднике. День Урожая, уже не помню какого года, – короче, ярмарка, массовое гулянье на окраине города, неприлично огромное поедание еды и распивание питья. Народу было много, трезвых намного меньше. Машины, кони, повозки, трактора. К тракторам мы еще вернемся, пожалуйста, не глушите вон тот большой, с красной крышей! Спасибо. Дядя обычно на праздниках пил много и в меру, но на вид не пьянел – не могу ручаться за его голову, что творилось в ней в трезвом виде и отличалось ли содержание мозговой деятельности от пьяного состояния, об этом простые люди, и я в том числе, понятия иметь не могли. Во всяком случае, внешние поведенческие признаки особо не менялись, а острота и колкость его выходок от количества выпитого им спиртного никак не зависели.

В разгар массовой попойки и поедки на свежем воздухе, которые все мешчане почему-то упорно называли празднествами, Дядя предложил устроить гонки на тачках. Благо дело было по осени, тачки у всех были на ходу и поэтому большинству народа идея понравилась. Бабушки, оккупировавшие периметр пустыря, на котором проходил пока еще слишком мирный, по Дядиным понятиям, праздник и где должен был состояться Первый Большой Бриджтауновский тачечный заезд, вздохнули с облегчением. В их сердца слишком глубоко врезалось последнее массовое дядино развлечение – стрельба по диким гусям. Это было аккуратно на прошлом празднике Подготовки к празднику Урожая. Тогда Дядю и осенила та гениальная идея, и ее также поддержали многие «неведавшие, что творят». Так как в наших краях диких уток, а впрочем, равно как и диких гусей можно было увидеть только по телевизору, то выставили

на поле замену – домашних цыплят. Кто сказал, что куры не летают? Я видел совсем другое. У них был совсем небольшой шанс, и некоторые им воспользовались – улететь в добрые края подальше от этой своры пьяных фермеров с ружбайками, во главе с полоумным заводилой. Сотня цыплят, собранных в кучу на этом самом пустыре, после предупредительного выстрела в воздух полетела исправно, но не кучно и крайне низко. Инстинкт убийц мамонтов и птеродактилей разыграл в и без того разогретой кровеносной системе охотников мгновенно, и пальба началась во всех направлениях стихийно, но довольно плотно.

Наш городок никогда не подвергался нападениям индейцев, но я всегда знал, что где-то глубоко внутри мы к нему готовы. Бабули в первую очередь, мамы с малыми детьми во вторую, с задержкой максимум в пару миллисекунд, оказались на земле. Перья опускались еще в течение получаса, в принципе, столько же, сколько и стихала стрельба в окрестностях. Кое-кто успел окопаться...

Хорошо, что на этот раз забава обещала быть мирной – подумаешь, пробежаться с тачкой навоза по кочкам, эка невидаль! Дорогая, где наша тачка, в сарае?

Предложение устроить дерби с порожними средствами перевозки дерьма было отвергнуто Дядей решительным взмахом руки и фразой: «Это для слабаков!» Поэтому тачки трамбовались биогумусом по самые ого-го. Дядя лично попрыгал перед стартом на каждой тачке, чтобы проверить тщательность трамбовки, после чего несколько моделей были сняты с заезда со сломанными колесами.

И вот гонка началась! Дядя быстренько выбился в лидеры, проехав при этом по паре конкурентов, основная масса тачечников мчалась за ним, но первым был не он, первым бежал, а точнее катил в желтой кепке лидера Морган Фрост! Дядя мог проиграть кому угодно: Саддаму Хусейну или Мефистофелю вместе с Гете, но только не Фросту! Фрост был из оппозиции из очень маленького и самого вредного меньшинства, из тех, кто никогда не смеется над дядиными шутками, из тех, кто не боготворит его и не воздаст ежедневную хвалу небу за то, что имеет возможность жить рядом с таким Человеком!

– Морган, старый пират, сколько ты сегодня прирезал народу? Что ты роешься в огороде, забыл, где зарыл свои сокровища? Я видел вчера рекламу по телевизору, так ты не только ассенизацией, но и одеждой теперь занимаешься? – это был стандартный набор приветствий, которыми встречал Дядя Фроста. И вот сейчас это ничтожество – этот не способный даже достойно парировать дядины выпады в свой адрес, а умеющий только злобно твякать: «Старый неудачник, закрой свой поганый рот!» – сейчас бодро толкал тачку на десяток корпусов впереди основной группы, в том числе и Дяди, кричавшего истошным голосом неприличное ругательство, от которого все дамы позакрывали себе уши: «Фальштраф! Фальштраф!» На что Фрост только улыбался во все свои три желтых зуба, оборачивался и показывал язык. В очередной раз, обернувшись на не совсем удачном куске трассы, он зацепился ногой за кочку и некоторое время еще проехал на своей тачке, головой в грузе и ногами вверх, а затем весь этот человеко-тачко-навоз полетел на землю в районе второй беговой дорожки. Заметив такое неожиданное, но вполне заслуженное счастье, Дядя издал воинственный клич гугенотов – это племя одних французских индейцев, и пропустил вскачь, практически обогнав свою тележку. Это ускорение стоило ему золотой медали или чем он там себя собирался награждать за первое место, потому что, если Дядя проигрывает в подобных соревнованиях, зачастую сам являясь их организатором, то до награждения дело обычно не доходило. Так вот Дядя конечно же тоже упал, причем вровень с Фростом. Некоторое время они еще ползли наперегонки, но вскоре тачки, вцепившиеся им в руки, а также стадо неандертальцев, пронесшееся мимо них, и табун ржущих со всех сторон лошадей остудили их спортивный пыл. Отдышавшись, оба старых пердуна попытались встать, причем удалось это лишь одному и это был не Дядя. Он снова упал в перепаханную тачками и ногами, а также хорошо удобренную навозом землю, схватился за ногу и вскрикнул неприличным словом.

– Перелом, – единодушно констатировал научно-медицинский консилиум из всех быстро собравшихся зрителей тачечного забега.

– Нет, – академично парировал Дядя. – Я не слышал хруста!

Под влиянием его авторитета единство в рядах резко испарилось и наметился раскол. Половина родонаселения – в основном отчаявшиеся домохозяйки, признавали в Дяде пожизненного инвалида. Другая половина, в основном мочающаяся стоя и смеющаяся перечить первой только на людях, – отрицательно качала головами, наперебой припоминая истории про прыжки с амбара, нераскрывшиеся парашюты и танцы в тот же вечер с активным участием нижних конечностей. Дядя продолжал лежать.

– Это точно перелом, – изрек, наконец, Фрост, который физически не мог оказаться на дядиной стороне.

– Спор! – это уже Дядя.

– Десять долларов, что ты калека! – принял вызов Фрост.

– Согласен, – это Дядя. – Хотя если бы спорили по поводу твоей инвалидности, то я победил бы даже без проведения вскрытия! – дружный хохот нашей стороны. – Нужно проверить, – изрек Дядя, по-прежнему возлежа на куче навоза и потихоньку там уже обживаясь. – Эксперимент! – не закусывая, продолжил вещание на своей волне главный участник сегодняшнего вечера, которому было не привыкать к этой роли.

Большой трактор с красной крышей подогнали быстро. Несмелые предложения типа: «Может, все-таки рентген...» были быстро затюканы желающими острых зрелищ и их аргументами: «Ехать долго... Все доктора шарлатаны...» и прочее. Дядю и его пока еще не слишком травмированное тело разложили на более ровном месте с мягкой почвой. Я вместе с Дядей смотрел тот рекламный ролик с участием подобного трактора и лампочки, волшебным образом извлекаемой в конце из-под его колес, поэтому я, как и он, не сомневался в благополучном исходе эксперимента.

Дядя лично командовал собственной казнью, велел трактористу проехать для начала по больной ноге, чтобы убедиться, что она вовсе не больная, а потом уже приниматься за здоровую. После первого проезда сельхозтехники по собственной конечности Дядя потерял сознание совсем ненадолго, это его, конечно, немного встревожило, но не остановило, и он решил все-таки для сравнения проехать и по здоровой, чтоб уже наверняка! После второго проезда Дядю уже вырубил надолго, и партия его сторонников быстро потеряла позиции в обеих палатах, а ее лидер через несколько часов был наконец доставлен в больницу.

– Зачем вы пытали старика? – это был первый вопрос, заданный дежурным врачом. – Неужели этот малый смог столько скопить и так хорошо спрятать, что ему пришлось ломать ноги в трех местах? – это были его следующие вопросы, и пока Дядя был в отключке, его дух все равно поддерживал в нас силу юмора через уста этого молодого хирурга.

Дядю выписали уже на следующий день после обеда – больничные персоналы в стоворе с больными обратились с воззванием к главврачу, пообещав, что они все умрут и поувольняются, если этот старый зануда останется в клинике еще хоть на час.

На этом я, пожалуй, прерву свой затянувшийся рассказ о своем Дяде, и так изрядно утомивший читателя своей персоной. Но может быть, мы к нему еще вернемся, если вдруг нам станет скучно на страницах этой книги...

Глава четвертая

А наш африканский праздник тем временем продолжался. Когда прибывшие леди спросили, по какому поводу праздник, то мы решили не посвящать их особо в наши маленькие археологические радости, а сказали, что празднуем Рождество. Они с радостью согласились, хотя до Рождества оставалась минимум еще неделя, но им настолько надоел пост, который их заставляли держать в миссии, да и какие женщины не любят праздники, пусть даже столь скромные! Хотя Елен сказала, что до настоящего Рождества еще не одна неделя, а почти три, но я не стал с ней спорить – у этих ньюйоркцев все не как у людей... Джеббс вообще заявил, что, скорее всего, никакого Рождества нет и не было и все это сказки и вранье. Но меня было не провести, я уж точно знал, что Рождество есть, или, по крайней мере, было. Оно для меня так же реально, как праздничный стол с индейкой, пудингом, шоколадными зайцами и подарками поутру в сапожках над камином. Единственное, чего я не мог понять, почему для некоторых Новый год является более важным праздником, нежели Рождество? Например, та же Елен рассказывала, что у них в России все старания хозяек проломить снедью столы направлены именно к Новому году, а на Рождество, которое, наверно, из-за своей неправильной христианской любви переставили после Нового года, они доедают то, что осталось, ну а если не хватает, то готовят недоваренную пшеницу – называя ее при этом Kutya! Ну, Россия дикая страна, в которой правят медведи, хотя вон у китайцев вовсе позднее зажигание. Джим говорил, что к ним Новый год вообще в феврале доходит и то постоянно в разные дни! Как они знают, когда к празднику готовиться? Хотя что им готовиться – у них и так каждый день на обед рис. Хотя так у них хотя бы было время из него тортик с индейкой вылепить... А есть ли у них Рождество, они вообще не признаются.

Но бог с ними, с китайцами и с их несчастными миллиардами населения, кому они интересны? Мне нет. Мне интересно, почему некоторые люди считают Новый год главнее Рождества? Вы же не празднуете Новый Месяц или Новую Неделю и тем более Новый День? Хотя помнится, был как-то у того же Дяди недолгий период, когда он праздновал каждый день Новый День. К нему как раз очень неожиданно, но как нельзя вовремя приехал старый родственник из Кентукки. Дядя никогда его до этого не видел, и поэтому так по нему наскучался за всю свою жизнь, что не отпускал его из своего дома и объятий почти две недели, в течение которых они ввели празднование не только Нового Дня, но постепенно деградировали до празднования каждого Нового Часа. Не знаю, куда еще чаще можно было откупоривать бутылки и до каких новых праздничных делений времени добрался бы Дядя со своим уже не радостным тогда, то ли деверем сестры мужа тети, то ли свекром двоюродного племянника брата отца, но тут вернулась из очередной поездки по святым местам набожная тетушка Джинджер. Она быстро прекратила этот затянувшийся, по словам соседей, пьяный дебош, который Дядя, пусть нечленораздельно, но все же пытался представить в виде «трчского симпозиума». Бедному кентуккскому родственнику было произведено краткое, но глубокое дознание на предмет его познаний в генеалогических ветвях, корнях, стволах и дуплах семейства Джонсон, по результатам которого онный представитель табачного штата, не набрав ни одного балла, был назван самозванцем и в двадцать четыре секунды был выставлен за дверь со всеми своими полтора чемоданами вещей, потому что на другие полтора чемодана тот имел неосторожность сыграть с Дядей в вист.

Буквально через четверть часа бедный странник из Кентукки был радостно найден своими счастливыми родственниками из семейства Дэвис, живущими на другой стороне улицы и чуть наискосок. Об этом еще через четверть все того же часа тетушке Джинджер сообщила через ограду заднего двора соседка, добавив, что Дядя мог бы и пораньше выпустить бедолагу на свободу, если бы он хоть раз за это время выглянул на улицу и взглянул на любой забор, где

он непременно заметил бы объявление о розыске, с обещанным вознаграждением за любую информацию о местонахождении жертвы, ну, или хотя бы каких-либо ее ценных и распознаваемых органов. Правда, в человеке, лучезарно улыбающемся с каждого забора и столба нашего города, было крайне трудно узнать того заросшего и опустившегося типа, которого полчаса назад тетушка спустила с нашего крыльца. Дядя впоследствии очень жалел об упущенном вознаграждении, которое могло бы хоть частично возместить непоправимый урон, нанесенный двухнедельной попойкой магазинному складу, потому что одними дядиными извинениями, сильно девальвировавшими в течение последних сорока лет совместной жизни, тетушка Джинджер уже не удовлетворялась. Мнение самого родственника из Кентукки по поводу произошедших событий узнать не удалось в связи с тем, что как только он немного отошел и начал снова узнавать людей и отличать их от чертей, в отсутствии которых его всю неделю дружно уверяло все семейство Дэвис, он был немедленно отправлен обратно домой в закрытом фургоне под покровом темноты, причем маршрут отступления был проложен так, чтобы он ни в коей мере не мог пройти мимо дома Дяди или мест его возможного обитания.

Но бог с ним, с Дядей и его праздником Нового Дня. Сейчас он далеко, а у нас ночь, светят звезды, горит костер, мы доедаем персики, пьем спирт и мы празднуем Рождество. Еще мне греет душу маленькая веточка счастья в Божьей книге и настроение хорошее, и все кругом замечательные люди, даже Джеббс, который уже начинал ощупывать наряд Эльзы не только глазами. Когда фляга и консервные банки опустели, а животы наполнились, пришла очередь главного блюда. Я достал Библию, монашки как по команде выровнялись, отчего Эльзина правая грудь выскользнула из левой руки Джеббса, и обе сестры замерли в первой позиции сидя.

– Вольно, – сказал я им. – Сегодня обойдемся без вечерней молитвы.

Я раскрыл книгу на нужной странице, вынул волшебную веточку и начал крутить не менее волшебную папироску. Монашки, увидев, что это была ложная тревога, расслабились, круг силы был восстановлен, и зажженная папироска, постепенно уменьшаясь, начала свое неторопливое путешествие по заблудшим душам против часовой стрелки. На четвертом круге папироска выдохлась, мы еще больше расслабились, отношения еще больше потеплели и даже начали слегка подогреваться с одной стороны: Джеббс принялся за другую грудь Эльзы, а я постепенно наподсаживался к Елен, так что наши коленки один раз соприкоснулись, но она немного отодвинулась. «Неплохо, – подумал я, – мне этих сексуальных впечатлений хватит на некоторое время». Но останавливаться я не собирался и снова по микрону начал смещаться в нужную сторону. Джима наши полоколотовращения мало интересовали, он смотрел в звездное небо, как будто видел его первый раз. Елена тоже, правда, постоянно смотрела в небо, периодически бросая взгляды на Джима и ретируясь от меня к нему.

– Ой, звезда упала! – глубоким голосом прогудела Эльза, тем самым имея повод вырваться из объятий Джеббса и оправиться.

– Это не звезда, это метеор, – голосом экскурсовода из планетария поправил Джим. – Странно... В декабре...

– А-а, – привычным голосом ничего не понимающего человека глубокомысленно изрекла Эльза. – А ты умный? – это прозвучало уже как оскорбление, и было заметно, что она пошла в наступление на Джима. Но он никогда не обращал на такие вещи внимания, и обычно с его обидчиками расправлялся я.

– Просто читаю много.

– Да? – это уже Елен открыла второй фронт. Я немедленно за это ухватился.

– Да! Джимми, знаешь, какой у нас умный, почти такой же, как я сильный, – я поднял руку, согнул ее и напряг бицепс, выставляя его напоказ, получилось весьма эффектно, хотя и недооценено собравшимися – темно, наверное, было.

– И про звезды все знаешь? – спросила Елен, развернувшись и пытаясь заглянуть Джиму в глаза, лишь бы не быть сраженной размером моих мышц.

– И про все! Я же сказал! – я не терял надежды и напряг вторую руку все с тем же успехом.
– Как интересно... – снова сказала Елен.

Что-то в ее голосе мне не понравилось, и я опустил руки.

– А что это за яркая звезда? – Эльза указала куда-то Елен за спину, все, кроме меня, оглянулись, и у Эльзы появилась, наконец, возможность высвободиться из-под слишком братской опеки Джеббса и встать.

– Это не звезда, это планета. Венера, – продолжал умничать Джим. – А вот там Марс, остальные не видны невооруженным взглядом.

– А если в прицел посмотреть? – спросила Эльза. Джеббс засмеялся, то ли просто так, то ли со злобы за прерванные ласки – не понятно, хотя всем было ясно, что смотреть в прицел винтовки на звезды толку мало, если только он не оптический.

– Тут прицелом не обойдешься, тут нужен телескоп, – как всегда спокойно, будто разговаривает с детьми, ответил Джим. – Мой дома остался, а то бы я вам показал эту красоту...

– Ну, я думаю, что ты и так сможешь показать нам всю свою красоту, – Эльза начала приближаться к Джиму самой развязной походкой из своего нью-йоркского, да и не только, прошлого, проводя параллельно вендеттовские действия по отношению к Джеббсу, да и просто позиционируя себя центральной фигурой вечера.

Джимми никак не отреагировал на ее демарш и продолжал смотреть вверх. Придя в пустоту, Эльза развернулась и потопала на свое место мириться, а я только сейчас понял, что так много слов подряд в общении с малознакомыми людьми я слышал от Джима только в шестом классе. Тогда к нам в школу пришел новый учитель и по неосторожности, а может, и с легкой руки своих новых коллег-интриганов, не предупредивших новенького, что у нас учится такой мальчик, как Джим Гаррисон, едва урок начался, как новенький сразу же начал делать Джиму замечания за то, что тот не слушает учителя, а читает на уроке какую-то книгу. Хотя даже не читает, а, по-видимому, просто рассматривает картинки, потому что читать с такой скоростью, с которой он листает страницы, невозможно. Джимми никак не отреагировал на его замечания – он просто не мог себе предположить, что кто-то может обращаться к нему во время урока и тем более учитель. Когда же молодой и до этого памятного в его жизни урока еще не до конца опытный преподаватель подошел к Джиму и взял его книгу, тот поднял, наконец, на учителя свой взгляд.

– Это учебник по термодинамике для третьих курсов технических колледжей? Ты можешь сколь угодно его смотреть, но ты не найдешь здесь порнооткрыток, если, конечно, их здесь не спрятал твой отец! – Самоубийца засмеялся истерическим смехом своей последней шутке, оборачиваясь при этом к классу в поисках поддержки, но ответом ему была лишь гробовая тишина и жужжавшая муха.

– Я его читал, – своим обычным спокойным голосом, которым он обычно разговаривает с идиотами и хомячками, сказал Джим.

– На уроке?

– Да.

– И как же ты при этом собирался слушать учителя, получать знания, так сказать? – на этот раз безумный учитель уже не стал искать поддержки в классе, а попробовал пробурлить взглядом лоб Джима.

– Какие знания? – создавалось впечатление, что Джим просто сводит его с ума, но я-то на самом деле знал, что Джимми в эту минуту абсолютно искренне удивлен.

– Новые!!! Новые, нужные знания! За которыми дети и приходят в школу! – не буду вам напоминать, дорогие моему сердцу восемнадцать читателей, что в споре проигрывает тот, кто первым начинает кричать.

– Я их и получаю, – Джим отвечал так, как будто кричали вовсе не на него. – Вы мне мешаете, – и кротно протянул руку за своей книгой.

– Ну, это уже наглость, – учитель перестал кипеть и перешел в стадию шипения и сопения. Класс в это время потихоньку делал ставки. Ставили на то, что новичок выбежит из класса еще до звонка, или на то, что он не сможет встать со стула до конца урока, на победу самого учителя ставки не принимались. – Сейчас же к доске и рассказывай о том, о чем я только что говорил.

– А что за предмет? – спросил, вставая со своего места, Джим.

– Что? Что за предмет? Ты не знаешь? – оппонент терял остатки терпения и слюны.

– Нет.

– Биология у нас сегодня! А не... Не... – учитель попытался быстро прочесть надпись на обложке книги, но не смог – глаза были залиты кровью.

– А тема?

– Происхождение жизни на Земле! – вот тут наша вражина ошибся, потому, что он еще в начале урока повесил на доске плакат с какими-то грибами, а я пусть и не такой умный, как Джимми, но, тем не менее, в состоянии отличить грибы от не грибов. А тем временем Джим вышел к доске.

– Существует масса теорий происхождения жизни на Земле, и наука до сих пор ни одну из них не может признать окончательно достоверной. Основной на данный момент является теория эволюции Дарвина, но у нее... – и Джим начал быстро и без запинки зачитывать целый научный доклад и непосвященные вполне могли подумать, что он делает такие доклады каждый день, а не раз в год по особым случаям. Что он берет с собой в школу до десятка книг и прочитывает их уже к четвертому уроку. Потом он начинает что-то писать и чертить в своих тетрадках, что – боится спросить даже директор школы, он попал в прошлом году как-то под Джиммов каток, имев неосторожность спросить его об обратных матрицах в математике.

Поэтому все эти годы система американского среднего образования жила спокойно по своим законам, а Джим по своим, и первая к нему не лезла, потому что почувствовать себя полным тупицей перед всем классом желающих было мало. Этому новенькому не повезло, никто не хотел ему зла, и Джимми в том числе, но беспощадному богу знаний нужны периодически кровавые жертвоприношения, и оно было принесено. Через полчаса, когда Джимми только что закончил рассматривать все минусы креационизма и решил более подробно остановиться на теории самозарождения Опарина-Холдейна, наконец прозвенел звонок. За это время он так отделал новенького своими метеоритными спорами, электромагнитными полями и прочей агрессивно влияющей на неорганическую материю фигней, что тот сам превратился в кусок нематериальной фигни с ослабленным галстуком под раскрытым ртом. После уроков коллеги все-таки над ним сжалились и повели бедолагу отпаивать в паб, по пути приговаривая: «Да... А что ты думал, у нас таких много... Представь, каково нам...»

Зачем Джимми вообще ходил в школу, мне никогда не было понятно. Также мне никогда не было понятно, почему он не пошел в университет, хотя мог бы выбрать любой или сразу несколько – получить для него гранд с его напичканной всякой всячиной и разложенной по полкам с ярлычками румяных знаний головой – не составило бы особого труда. Но Джим заявил своим домашним, что в колледж он не пойдет, не видит в этом смысла – он давно уже прошел заочно как политехнический, так и политологический курсы (на знаю, зачем он повторил одно и то же слово дважды, наверно для усиления эффекта). И теперь он хочет несколько лет попутешествовать, на что его мама ответила глубоким обмороком, а папа двумя предупредительными выстрелами в воздух. В течение десяти минут, пока мама пыталась самостоятельно привести себя в чувство, а папа искал в гараже запасные патроны, Джимми быстро собрался, вышел из дома и зашагал по нашей улице по направлению к выходу из этого мира. Я жил от него за два дома и, как и все соседи, выскочил на звук выстрелов на улицу. Дяди не было в это время в городе, поэтому стрельба могла означать и что-то серьезное. Джим замедлил шаг около меня и моей калитки и сказал: «Я еду попутешествовать. Ты со мной?» Я ответил, что зачем он задает глупые вопросы, вместо того чтобы сказать, брать ли с собой зимние вещи?

Джим предположил, что, возможно, это надолго, на что я ответил: «Тем лучше! Мне нужно семь минут!»

Мое прощание с родителями прошло в более спокойной, чем у Гаррисонов, обстановке: папа смотрел на меня со стены как всегда бодро, он был в форме, погонах, медалях и явно одобрял мои действия. Мама как всегда переживала, но, тем не менее, смотрела ласково с соседней фотографии, и от нее я тоже получил благословение. Не могли, наверняка не могли быть у такого замечательного сына какие-нибудь заурядные и непрогрессивные родители.

Дяди, как я уже сказал, не было дома, но оно и к лучшему, потому что он наверняка увязался бы за нами. Дошли бы мы с ним максимум до окраины города, до какого-нибудь милого кабачка, где немедленно бы началась фиеста в честь нашего отъезда, почти наверняка перешедшая бы в банальнейшую попойку, закончившуюся, как всегда, нетранспортабельностью части отбывающих и традиционным вызовом полиции.

Тетушка Джинджер задала только два практических вопроса: вернемся ли мы к обеду и взял ли я теплый свитер? Вещи я упаковал быстро, тетя собрала пакет с провизией, поцеловала меня в лоб и торжественно подала коллекционный экземпляр Библии, который обычно продавался в ее магазине по двенадцать долларов. Я очень обрадовался ее подарку, потому что в качестве памяти о доме и тары для последней веточки марихуаны еще прошлого сезона я прихватил первое, что попало под руку, и это был каталог племенных коров штата за 1964 год, но вариант, предложенный тетей, был намного легче, компактней и безопасней, и я ее расцеловал. Пока всплакнувшая тетушка ходила на кухню проверять, не сбежало ли у нее молоко – весьма неожиданное предположение, высказанное ее милым и заботливым племянником, – волшебная веточка перекочевала с разворота с голштинскими рогатыми красавицами в шестую главу Бытия, поближе к Ною. Когда тетушка вернулась, сообщив, что у нее на плите нет молока, то поцеловала меня еще раз, снова всплакнула и сказала свою знаменитую фразу о том, чтобы я всегда помнил, что в этой книге (я как раз засовывал Библию в рюкзак) я найду ответы на все вопросы и в ней хранится самое главное! Теперь я уже не мог с ней спорить, обнял ее и побежал на улицу к Джиму. По пути я подумал: «Как странно...» Как странно устроена наша память – какие-то важные вещи мы не запоминаем, а всякую чушь можем помнить всю жизнь. С самого раннего детства я каждое воскресенье ходил с тетушкой в баптистскую церковь (Дядя с нами, естественно, не ходил – по словам тети, он готовился гореть в вечном аду и поэтому копил силы и жир на диване). Вместо сказок мне читали житие апостолов, вместо стихов я заучивал псалмы, но особенно мне нравилось хоровое пение, а сейчас ничего из этого не могу вспомнить, ни строчки. Но зато однажды брошенная Дядей фраза о том, что Библия самая воруемая книга в мире, засела во мне навсегда...

Мои мысли уже возле самой калитки оборвал выстрел – папаша Джима нашел все-таки дополнительные патроны и перестал стрелять в воздух, потому что листья на голову в мае не опадают, а если и опадают, то не вместе с ветками. В этом месте я уже пожалел, что сегодня нет дома рядового Джонсона, который бы смог своим широким задом прикрыть наш отход. Поэтому нам с Джимом пришлось спасаться банальным бегством, но тем не менее я успел крикнуть ему да и всем собравшимся зрителям: «Мы не убегаем – мы стартуем!»

Стартанули мы довольно лихо и за два года объехали половину Штатов, а за вторые два почти всю Европу. Кстати, когда впервые нелегально пересекали границу, один парень, бывший кубинец, пристроивший нас фиктивными партнерами по танцам на круизный лайнер, что отплывал в Старый Свет, сказал, что впервые видит двух идиотов, которые пытаются нелегально покинуть Америку, а не наоборот. На что я ответил, что это начало нового четырехлетнего цикла миграции в обратную сторону, что мы первые, но скоро за нами попрут, и ему надо быть наготове.

Чтобы описать все наши зло- и доброключения, надо писать отдельную книгу, а я и с этой еле справляюсь, так что как-нибудь в другой раз.

И только однажды в один из самых хреновых моментов нашего трудного путешествия, когда хотелось бросить все и вернуться к тетиним пирогам, Джим спросил меня, только раз: «Не жалеешь?» На что проклявший к этому моменту уже не один раз все на свете, включая Джима, а особенно самого себя и эти тяжеленные мокрые мешки, я смог, выдержав паузу, ответить с достоинством и еще более кратко, чем он: «Нет».

Глава пятая

Снова возвращаемся в Африку, где примерно в центральной ее части, как-то раз вне графика... мы поели, выпили, покурили и принялись считать звезды подряд, а точнее некоторые из них, которые по трагическому стечению обстоятельств оказались в конце концов планетами.

– А интересно, сколько их там? – романтично спросила Елен, классически при этом обняв руками согнутые в коленях ноги.

– Звезд не считано, а планет девять, – подал из своего угла разврата голос Джеббс, он почувствовал, что в этот вечер пользуются успехом умные парни и тоже решил себя показать с нужной стороны.

– Да это я знаю, у меня в школе по астрономии было отлично...

– Это раньше было девять, сейчас восемь, – аккуратно поправил Джим.

– Одна потерялась? – Эльза закатилась смехом.

– Нет, просто пару лет назад астрономы решили, наконец, лишить Плутон статуса планеты.

– На ней, наверно, бедные инопланетяне понапивались с горя. – Эльзу было не остановить с ее закатившимся смехом.

– Погоди, погоди, – я даже проснулся. – Ты хочешь сказать, что простым голосованием можно решить, сколько у нас планет???

– Конечно.

– Быть этого не может, – Елен продолжала демонстрировать образчик женского поведения в режиме «ненавязчивое, ничего не обещающее обворожение» и положила руку Джиму на колено и посмотрела ему очень глубоко в глаза. – Я всю жизнь прожила, уверенная, что у нас девять планет, а оказывается, их уже восемь? Да еще и меняют их количество, когда этим звездочетам вздумается? Я всегда считала, что есть вещи неизменные на земле, как сама Земля, количество планет вокруг нее, Солнце и Луна, как то, что Иисус Христос, Сын Божий был послан нам, чтобы искупить...

– То, что Иисус Сын Божий, тоже решали голосованием...

– Что??? – Елен подпрыгнула, некоторые вскочили.

– Что ты сказал?! – запел наш разноголосый, но единый в своем порыве куриный хор.

– А вы не знали? – Джим единственный остался сидеть и при этом даже не вспотел. – В четвертом веке на одном из первых Вселенских соборов мнения разделились: одни епископы считали, что Христос Бог, а другие – что он полубог. Проголосовали. И тех, кто считал Иисуса полубогом, объявили еретиками и сослали подальше, а Христа объявили Богом и спокойно приняли закон о Троице...

– Как это? – это я.

– Быть этого не может! – это Джеббс.

– Я не верю. В Библии об этом ни слова, – это Елен.

Эльза тоже раскрыла рот, чтобы тоже сказать что-нибудь этакое, но все фразы лексикона из ее раздела под названием «Этакое» уже успели произнести чуть раньше и она не нашла ничего лучше, как зафиксировать свою открытую челюсть в пространстве.

– Ну, в Библии о многом не сказано! – Джимми явно распалялся и я почувствовал себя на горячем стуле того учителя-новичка. – Не сказано, например, что церкви нужно строить, что нужно поклоняться Ему через посредников-попов, что нужно будет кому-либо вообще поклоняться, в том числе орудию Его смерти! Он учил любви и мудрости, но люди, как всегда, все поняли по-своему, переиначили, понапридумали себе религию, понатаскали в нее черт знает что, как сороки, две тыщи лет отполировывали все это и вот вам, пожалуйста, теперь чтобы пройти обряд крещения, нужно обязательно с собой новое полотенце приносить – иначе

неправильно, не по обряду! Как будто Христос, когда пришел к Иоанну креститься, тот его сразу: «А где твое чистое полотенце?» И тут голос сверху громовой: «Оно со мной». А потом другой, чуть потоньше: «Пускать уже голубя?»

Нет, конечно, не так все это было! Крестили прямо так, в чем пришел, или без всего, главное в воду окунуть. Да и не это главное, главное суть! А сейчас? Откуда взялось это полотенце? В какой момент? На кресте он, что ли, по их мнению, кричал: «Про полотенца только в следующий раз не забудьте!» Или потом, когда через три дня из пещеры выходил и себе под нос: «Так. Это сделал. Это сделал. Ну, все – я пошел, а вам я делаю замечание и попрошу про полотенца впредь не забывать...» Ну не бред? Конечно, несусветица! И придумали ее люди. Люди, которые выдумали после него религию о нем, упростили схему иудейства, добавили кое-чего и... вуаля, новый продукт на рынке религиозных услуг!

Все уже сидели, потому что слушать это стоя организм отказывался. Единственным человеком, у которого сохранились остатки артикуляционных способностей, был я, и этот человек произнес не своим голосом: «Джимми, ты грешной человек, ты не веришь ни во что святое...»

– Нет, я тоже верю, – продолжал хоронить свою бессмертную душу Джим с каким-то нездоровым блеском в глазах. – Но не в религию, а в Бога, не в попов и в бородатого дядьку с тремя обличьями. Я верю в Бога-творца, в Бога-вселенную, в Бога, который окружает нас, каждой своей частицей и частью которого являемся и мы с вами. Я не верю, чтобы кто-то за семь дней создал всю огромную вселенную, а потом несколько тысяч лет наблюдал за одной планеткой, как там его подопечные себя ведут, праведно? Кому накинёт грешок, кому скинет за хорошее поведение, как на счетах, и так за всеми шестью миллиардами! С одной стороны неделя на все мировоздание, с другой такая вот мелкостная бухгалтерия – маразм какой-то старческий. Не верю! Не тот масштаб у этого Кого-то! Или он только христиан подсчитывает, по трем основным кучкам раскладывает? Мусульман другой товарищ подсчитывает. А буддисты, иудеи, индусы – у каждого свой счетовод там сидит, что ли? У них там конкурирующие аудиторские конторы? А как они полномочия делят? У них как в нижней палате конгресса – количество мест по населению штата? У кого электората побольше – у того и стол помассивней и счета, да и сам Бог крупнее. Наш – самый большой: у него почти контрольный пакет, остальные поменьше. Фигурку Будды я в магазине видел – не очень большая. Ха, а это что за пигмей раскрашенный чего-то на орехах считает? А не обращайтесь внимания – это маорийский Ио, за последнее жертвоприношение очки начисляет!

Джимми вскочил, я подумал, что сейчас его поразит молния, и на секунду даже зажмурился. Но он продолжал, как ни в чем не бывало:

– Или не так! Никакого небесного конгресса нет, никакой канцелярии со счетами не существует – Бог один, он правильный и он наш! А все остальные: китайцы, индусы, арабы и прочие – беспросветные грешники и направляются после смерти напрямик в ад! Ну, а если человек веру меняет, тогда как? Фамилию его бессмертной души из одного списка «правильных» в список «неправильных» переводят, так, что ли? Снова бухгалтерия получается! Снова баланс не сходится... А секты христианские, их куда, в какой список? Они ведь тоже верят в Христа, но немного не так. Тоже в ад? Апостол Петр их препровождает да приговаривает: не так, милые, надо веровать, не так – вон спросили бы у старших товарищей из центрального района Рима, они в курсе, они на этой теме давно сидят...

Про охоту на ведьм, продажу индульгенции и различных священных реликвий мелким и крупным оптом в средние века можно вообще не вспоминать. В каждом городе можно было купить парочку гвоздей, которыми Иисуса распяли, из щепок Животворящего Креста, если их собрать вместе, наверно, можно будет дом двухэтажный построить...

Или все-таки простит всех грешников-иноверцев Иисус, ад ведь тоже не резиновый, да и эти неутомимые китайцы... Да к тому же он и добрый, весь, по словам очевидцев, так что наверняка простит. Но тогда тем более разницы нет, как верить! А подробностями и шелухой с

чепухой, что хочешь, за две тысячи лет обрастет. Вон, в России, – Джимми зачем-то кивнул на Елен, – Ленина всего через семьдесят лет уже святым считали. Если бы коммунизм не лопнул у них, то еще лет через двести уже о божественном статусе заговорили, потом голосование, кто против – на костер, то есть в Сибирь и, пожалуйста, новая религия – метод опробованный.

Кстати, о кострах. Вот Жанну д'Арк, матерую грешницу, спалили на костре, как считали, по заслугам, по приговору церковного суда. Душу, соответственно, переправили в ад. Но тут на земле быстренько разобрались лет через двадцать и оправдали. Там, в аду, ее сразу из кастрюли вынули и перевели в менее горячий цех, куда-нибудь по хозяйству. А когда дело к блаженности и канонизации пошло, тогда, конечно, адово начальство забегало, телефоны зазвонили: «Как! Почему? Столько лет? Чем вы там вообще занимаетесь?» Ее, конечно, быстрехонько нашли, отмыли и торжественно двум ангелам передали. Те ее под белы ручки подхватили, под трубную музыку наверх вознесли, а миллиарды грешников плакали и утирали слезы – не каждый век такую мелодраму посмотришь!

– Да нет, конечно! Все не так было! Это была ошибка, – собрала все мужество в маленький кулачок, а буквы в слова маленькая, но храбрая Елен.

– Вот! Ошибка! – продолжал этот страшный человек, в котором я решительно перестал узнавать Джима Гаррисона. – А может, это была не единственная их ошибка? Может, только одни ошибки и были? Начиная с Петра? Сплошняком – одни ошибки. Сваливали их в кучу, они гнили сотни лет, поливали их кровью и слезами, в итоге получили качественный перебой из людей – христианскую религию, в которой самой уже давно не наблюдается никакого единства. У конкурирующих фирм дела не лучше – там, конечно, не те обороты, но зато более цельненько, сбитенько-прибитенько, но все равно, очень много понатащено, напридумано...

– Так что, ты считаешь, что Христос не был Богом? – Эльза, наконец, перестала искать свой закатившийся куда-то смех и задала первый и последний умный вопрос в своей жизни.

– Как по мне, то нет, – подписал себе окончательный приговор Джим.

– И кем же он, по-твоему, был? – осторожно, как у человека с гранатой без чеки, спросила Елен.

– Пророком.

– Пророком?

– Да, пророком. Как Мухаммед, как Будда, Конфуций, Лютер, как многие другие, которым открылась Истина, ну или хотя бы часть ее. Кто-то постигает больших знаний, кто-то меньших, кто-то познает Бога-мир с одной стороны, кто-то с другой. Кому-то приоткрывают занавеску тайны, а кто-то и в распахнутую дверь не может войти или боится... В разных религиях Бога называют по-разному, но он один. Это признают все религии, в этом они правы. Но каждая из них зовет Его по-своему, и каждая из них в этом уже не права. Каждая религия указывает, как нужно поклоняться своему богу, и здесь они совсем уже не правы. Кто-то не ест свиней, кто-то коров. Кто-то не работает в субботу, кто-то в воскресенье. Эти не так молятся, те не так крестятся. Все это придумано людьми, а не Богом. Думаете, Бог просит, чтобы ему молились? Поклонялись? Амбиции и тщеславие присущи людям, не Ему. Он и так вас создал, вы и так часть его. А Он часть вас. Скажите, нужно ли вам, чтобы вам поклонялся ваш средний палец на правой ноге? А на левой? Так вот, никто никому поклоняться не должен. Поклонение придумали люди, так же как и власть, управление и любую религию.

Джимми, наконец, отбомбился по церкви, успокоился и вернулся на свое место. Еще через мгновение он снова начал смотреть на звезды как ни в чем не бывало, чего нельзя было сказать об окружающих. У Джеббса резко обнаружился столбняк – он застыл с открытым ртом и растопыренными пальцами в форме груди Эльзы. Сестры сидели, вцепившись друг в друга, и смотрели на Джима как бандерлоги на обеде у Каа. Как я сам выглядел со стороны, сказать не могу: чувствовать я ничего не чувствовал, но шевелиться тоже не мог. В самые тяжкие моменты Джимовой речи я мог только зажмуривать глаза, но тогда мне виделась страш-

ная картина: как тетушка Джинджер в белом балахоне «Ку-клукс-клана» и своем кухонном переднике, с факелом в руке во главе толпы других белых балахонов, привязывающих Джима к столбу и подкладывающих хворост, медленно и тяжело поворачивается ко мне и указывает на меня перстом.

И кто только мог подумать, что это все сидит у него в голове! Тетушка Джинджер уж точно не могла, он всегда ставила Джима мне в пример – он ведь перечитал все религиозные книги в нашем доме и всегда живо интересовался этой темой, но он никогда не высказывал своего мнения, и кто мог знать, что оно у него такое!

Я никогда не был религиозным фанатиком, и походы как в церковь, так и к дантисту воспринимал с одинаковыми пропорционально смешанными чувствами необходимости и ответственности. Но чтобы так к этому относиться! В эту минуту я был готов выдать службе безопасности Святого престола главного еретика тысячелетия только за то, что он только что сломал часть моего мира! И дело даже не в поджаристых боках индейки, и в подарках, не помещающихся в красные валенки над камином! Просто так нельзя... нельзя, Джимми... вслух так точно нельзя. Нет, может, ты где-то и прав! Может. Но чем черт не шутит, а вдруг там, наверху, все-таки сидят, следят и планомерно подсчитывают? Я непроизвольно поднял голову вверх и начал присматриваться и прислушиваться. И почти услышал стук костяшек на счетах, но оказалось, что это звук не с небес, а с земли – это Джеббс начал чем-то стучать в ящике. Чем-то оказалась еще одна фляга – на этот раз с виски. Джеббс все-таки сволочь, но с запасом! Он начал снова шутить, щипать Эльзу, та начала призывно визжать, и мир потихоньку задвигался дальше, а вместе с ним новая фляга по кругу. Все понемногу успокоились, а алкоголь прибрал остатки трудного разговора.

Но через некоторое время я понял, точнее, ощутил краями зрения и разума, что нас стало больше. Он появился не внезапно. Нельзя сказать, что он вообще появлялся, даже нельзя сказать, что я его вдруг увидел. Такое впечатление, что он всегда сидел, весь вечер между Эльзой и мной. Хотя я точно помню, что там никого не было, но весь вечер все понемногу двигались и перемещались, и после бенефиса Джима, когда все застыло, а потом снова ожило, нас было уже не пятеро, а шестеро. Не знаю, понял ли я это первым, но первой отреагировала, как всегда, Эльза – центральная фигура любого вечера, от литературных чтений до садомазохистских оргий. Передавая в очередной раз флягу, она, наконец, отреагировала на чужака, одетого то ли в балахон, то ли в простыню, взвизгнула, а точнее икнула и попыталась вскочить, но плотный ужин и спирт удержали ее тело на земле, только слегка его пошатал.

– Ой, а кто вы? – во второй раз икнула Эльза, удерживая баланс исключительно благодаря фляге в правой руке и вытаращившись на незнакомца, хотя до этого она несколько раз автоматически передавала ему виски. На этот раз не только я, но и все остальные поняли, что среди нас чужой. Незнакомец в ответ лишь кротко улыбнулся, привычным жестом взял из рук Эльзы флягу, отхлебнул, передал ее мне и сложил руки на животе. Я сделал ну очень большой глоток, надеясь, что после этого видение исчезнет, но оно только начало слегка двоиться. Я закрыл глаза, думая, что незнакомец после этого пропадет, но увидел лишь, что тетя Джинджер все еще на месте и продолжает руководить массовыми казнями, поэтому быстренько раскрыл глаза вновь. Незнакомец сидел на своем месте и двоиться перестал. Я передал флягу Елен, которая, не успев как следует отойти от первого шока после монолога Джима, с легкостью впала во второй, при котором влиательные рефлексy были еще частично сохранены, а вот глотательные уже отсутствовали напрочь и она поперхнулась. Ловкий Билли, успевший подхватить выпавшую из ее рук фляжку, дал выход своему стрессу через отчаянное хлопанье по упругой женской спинке.

– Осторожней, госпожа Соколова, так и подавиться не ровен час можно, – произнес незнакомец.

– Мы разве знакомы? – медленно выговаривая все буквы, включая пробелы и другие знаки препинания, спросила Елен.

– Ну, в некотором роде мы все знакомы, – ответил незнакомец, со своей все той же полуулыбкой.

– Мы даже все в какой-то мере все родственники, – подхватил из своего угла Джим, единственный из всех, кто не испугался незнакомца, а скорее всего его даже и не заметил.

– Это как это? – спросил Джеббс, к которому вернулась фляга, а вместе с ней и дар речи.

– Есть теория, что все человечество зародилось в Африке и произошло от одной женщины, правда, было это пару сотен тысяч лет назад, – выписал справку Джим.

– Да, это не очень далеко отсюда было, – незнакомец тряхнул рукой куда-то в темноту за нашими спинами. – Только климат был немного поприятней, сейчас жарко чересчур, – руки снова сложились куда-то в складки балахона, и появилась уже начавшая меня раздражать еле заметная улыбка, которую в следующий раз я уже назову злобной усмешкой.

Повисла и начала медленно раскачиваться, как маятник часов, пауза. Фляга закончилась на Джеббсе, но никто не жалел об этом – мне так точно было уже достаточно впечатлений на сегодня.

– Ну, хорошо тут у вас. Спасибо за угощение. Спасибо за разговор. Мне уже пора, – незнакомец начал раскланиваться, но только на словах, тело в этом прощании пока не участвовало, зато источало безлимитный запас злобных усмешек.

– Да мы ведь и не поговорили толком, – ответила за всех хозяйка вечера.

– Ну, чтобы разговаривать не обязательно произносить слова, тем более, что сказано сегодня было предостаточно, – незнакомец в очередной раз ухмыльнулся, но теперь как будто не сам себе, а Джиму. – Но перед уходом я хотел бы вас отблагодарить, добрые люди. Чего бы вы хотели?

– В смысле? – я решил включиться.

– Ну, какие у вас есть желания?

– У меня? – Я посмотрел на сидевшего напротив меня Джеббса, на пустую фляжку у его ног, затем на валявшийся рядом окуроч волшебной папироски и сделал, как потом оказалось, слегка поспешный выбор. – Еще бы косячок, а лучше два!

– Так один или два? Тут важна точность, – и меня озарили улыбкой мудрой черепахи и поворотом ее головы. Знаете, есть такая категория людей, которые считают себя намного умнее других. Они вроде и говорят с тобой, и смотрят на тебя, но улыбаются в никуда и ты понимаешь, что ты для них ничего не значишь. Я не люблю таких людей, и незнакомец был именно такой, а про его улыбку я вам уже говорил. Он начинал меня уже конкретно раздражать и меня понесло:

– Правильно! Чего мелочиться! Один, два – это не масштаб. Надо чтобы много и не кончалось.

– Надо конкретнее, – попросил уточнений бухгалтер в балахоне.

– Конкретнее? Поле! Да, поле. От края до края, – и я помахал разным частям горизонта. Балахон внимательно поглядел в обозначенные стороны, темнота в которых была абсолютно идентичной.

– То есть примерно восемь тысяч гектаров? Поле? И чтобы на нем рос *Cánnabis*?

– Да, да, – не унимался Безумный Билл. – Чтобы росло и никогда не заканчивалось.

– Хорошо. А ты? – незнакомец обратился к Джиму, но тот был где-то в районе туманности Андромеды и никак не отреагировал. Зато отреагировал герой-любовник и любитель нью-йоркских монашек, Джеббс.

– Поле – это все ерунда. Один рок-фестиваль скурит его меньше чем за неделю. А вот камешки, брюлики – это уже навсегда!

По-видимому, история с профессором, и его не совсем удачной и совсем не научной экспедицией не только не охладила разум определенных слоев нашего общества, а наоборот, вызвала его воспаление у некоторой части индивидов.

– Неужели? – чаепитным тоном ответил незнакомец. – Ну и сколько вам нужно этих самых камешков? Ведь речь идет о бриллиантах, насколько я понимаю, или все-таки вы удовлетворитесь и алмазами?

«Передайте мне сливки, миссис Хадсон», – был готов услышать я следующим предложением, но я услышал: «Алмазные копи царя Соломона!» Это была Эльза, она начала играть в слова-синонимы и смеялась сама с собой.

– Да не все ли равно! – тоже начал смеяться Джеббс.

– Вам – возможно, а мне надо знать точно.

– Ок. Пусть будут бриллианты.

– Бриллианты – лучшие друзья девушки! – Эльза начала танцевать и продолжила набирать очки в свою игру с одним участником.

– Нет, нет, все-таки лучше алмазы! Да, алмазы! – Джеббс торопился перекомпостировать свое желание, как будто был уверен в его исполнении.

– Ок. Сколько? – незнакомец явно был готов торговаться.

– Поле, конечно, мне не надо... посыпать до горизонта – боюсь помять всходы, – Джеббс засмеялся своей, как всегда, искрометной шутке, и как всегда, в одиночестве – по его каналу транслировалась юмористическая передача.

Он, как обычно в таких ключевых точках принятия решений своей жизни, вскинул взгляд вверх. Ох, сколько раз он делал так за то короткое время, что мы находимся у него в услужении, но еще ни разу это не приводило ни к чему хорошему, так что я по привычке зажмурился. Там внутри я, наконец, увидел привычную темноту – видать, тетушка Джинджер сотоварищи уже разъехались по домам готовить ужин. В темноте прозвучало слово: «Вагон», я выдохнул и вынырнул на божий свет, точнее ночь.

– Какой? – продолжал незнакомец, уже, по-моему, просто издеваясь над Джеббсом, а заодно и над всеми нами. – Железнодорожный? Четырехосный? Какой тоннаж?

– Самый большой, – отвечал самый жадный Джеббс в мире.

– Шестьдесят тонн?

– А больше не бывает?

– Нет.

– Хорошо, пусть будет шестьдесят, – под весом своего желания Джеббс откинулся на спину, положил руки на живот, зажмурил глаза и, по всей видимости, начал плавать по своему вагону с алмазами.

– Ну, а ты? – незнакомец во второй раз обратился к Джиму.

Тот ответил в свойственной ему манере отсутствия при любом разговоре:

– Было бы хорошо, если бы люди говорили правду...

– Хм, – незнакомец потер свою бороду.

Джимми мог озадачить любого нормального человека, но как выяснилось – ненормальные в балахонах ему тоже были по плечу.

– Это полностью не получится, – после некоторого раздумья ответил незнакомец.

Он продолжал втирать бороду себе в подбородок и смотреть перед собой рассеянным взглядом. Степенью социализации, а точнее ее полным отсутствием, они в эту минуту с Джимом были очень похожи. «Полностью не получится...» – а вагон с полем легко – у этих местных психов с фантазией было явно слабее, чем у нас.

– Жаль... – потянул Джим. – Я очень устаю от вранья.

Я знал это. Джимми как-то говорил мне, что среднестатистический человек врет около пятидесяти раз в день. Я пытался подсчитать за собой, но больше двух у меня никогда не выхо-

дило. Пробовал считать за Дядей – сотню мы набирали до обеда, а потом за разогревшимся родственничком я уже не поспевал. Джим же сам никогда не врал, по крайней мере, я такого не припомню, но это абсолютно никак ему не помогало жить – человечество было явно к этому не готово, и вот теперь он решил ситуацию слегка уравновесить.

Ложь Джимми действительно не любил, хотя и интеллигентно старался не обращать особого внимания на враки других, но было видно, как он морщится практически сердцем, когда кто-то в его присутствии начинал врать. Я это знал и поэтому старался никогда не обманывать Джима, только иногда, для его же блага. Впрочем, так я поступал и с другими, те, в свою очередь, со мной и с другими другими, те – со своими другими, короче по кругу врало все человечество, почти все во благо, некоторые по мелочам и для дела. Джимми это не нравилось, я привык, а статистика медленно и аккуратно вывела число пятьдесят.

– Трудно, трудно... – бормотал себе под нос наш неадекватный новый знакомец. – Могу предложить...

– Тост! – выстрелила со своего места Эльза, думая, что наступил конкурс в «угадай слово».

– Компромисс. Я правильно сказал это слово, – обладатель пыльного балахона обвел нас взглядом.

Я такого слова тоже до этого не знал, но надеюсь, что здесь написал его правильно. После всех этих вопросов и новых слов мы все шестером напомнили мне русскую передачу «What? Where? When?»¹. Я видел как-то раз, как Джим смотрел ее по кабельному – шестеро идиотов сидят в креслах, крутят волчок со стрелкой, а потом долго спорят, кому письмо!

– Да – компромисс, – незнакомец продолжал, по-моему, говорить уже сам с собой. – Трудно, точнее невозможно выполнить это желание. Люди не хотят, точнее не готовы говорить только правду. И ни вы, ни мы, никто не вправе их неволить. Нельзя людей заставлять что-либо делать. Они должны захотеть делать это сами. Когда они поймут, что все зависит от них самих, тогда они и правду говорить начнут, и делать другие правильные вещи и поступки. Я обязательно дождусь этого момента. Он не может не наступить. В чем тогда смысл всего этого? – незнакомец красиво помахал руками в разные стороны – видно было, что они у него затекли.

После его слов Джимми опустил взгляд с небес на землю и очень внимательно посмотрел на незнакомца. Последнего начало уже немного заносить, но под взглядом Джима он смог взять себя в руки.

– Но я обязан вам помочь, – мне показалось, что при этих словах незнакомец даже слегка поклонился Джиму. – Поэтому все, что в моих силах, это сделать так, чтобы никто не мог лгать лично тебе, Набии, – товарищу становилось все хуже, и он уже начинал заговариваться.

Затем незнакомец снова слегка поклонился, на этот раз уже точно Джиму, и сделал это более понятно, а не как раньше: все эти полукивки, полукачки, полуулыбки, не пойми кому. Джимми, правда, тоже подхватил эту заразу и неопределенно кивнул-качнул головой в сторону незнакомца. Со стороны казалось, что он на секунду заснул, а затем сразу проснулся.

¹ Что? Где? Когда? – Перевод автора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.